К26 4/52

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ГРАЖДАНСКОГО
★ ПАРТАКТИВА ★

К26 4/52

М. ПЕРМСКИЙ

★

БУДУЩАЯ ВОЙНА И ОБОРОНА СССР

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 · 9 · 2 · 9

1-й экз. ссылается

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ГРАЖДАНСКОГО ПАРТАКТИВА

М. ПЕРМСКИЙ

К26 4/52

★

БУДУЩАЯ ВОЙНА И ОБОРОНА СССР

★

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

М. Пермский.—„Будущая война и оборона СССР“. Подчеркивая неизбежность вооруженного столкновения капиталистического мира и СССР и задачи советского государства в будущей войне, автор подробно разбирает следующие вопросы: численность армии, продолжительность будущей войны, роль народного хозяйства в войне, перспективы революционного завершения войны и пути укрепления обороны СССР. Книга рассчитана на гражданский партактив. Безусловный интерес представит эта работа для начсостава Красной армии и запаса.

10324
18-X-1929

Главлит № А 40291 Тираж 5.000. — 8 л. Заказ № 1700

Государственная типогр. им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВООРУЖЕННОГО СТОЛКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА С СССР.

★

Никогда еще во всех капиталистических странах не говорили так много о разоружении и в то же время никогда еще не было такой свистопляски вооружений, как в настоящий момент. Империалистическая война, стоившая народным массам свыше десяти миллионов жизней (только погибших на войне), оставившая после себя несколько миллионов калек и потерявших трудоспособность инвалидов, разрушившая огромные области и целые страны, доведшая до нищеты и голода десятки миллионов трудящихся, вызвала бурный протест широких народных масс против буржуазии. Опасность новой войны заставляет буржуазию выступать с проповедью «вечного мира» с тем, чтобы отныне все милитаристические замыслы облекать в туманные фразы о мире.

Буржуазия мобилизовала весь свой гигантский аппарат идеологического воздействия на массы для того, чтобы усыпить бдительность широких народных масс, создать у них ложное представление о возможности устранения войн в условиях капитализма.

Социал-демократия во всей этой шумихе о мире является самым настоящим агитпропом буржуазии. Так, например, Гильфердинг доказывает: «Старый тезис: „капитализм это — война, социализм — мир“ — стал несостоятельным в обеих своих частях».

«Было бы ошибкой считать уничтожение войны невозможным при господстве капитализма, считать разо-

ружение иллюзией до окончательной победы социализма».

Такие утверждения показывают, что социал-демократия позаботилась даже о создании «материалистической» и «марксистски-обоснованной» теории невозможности войны в наше время. Война, пишут они, исключается современной экономикой, ибо экономические интересы мировой буржуазии все теснее переплетаются, все прочнее связываются, противоречия интересов мировой буржуазии все энергичнее вытесняются общностью их интересов, конкуренция сменяется «сердечным согласием». Война становится невозможной и с этической точки зрения, ибо народы питают все большее отвращение к оружию и войне как аргументу национальной политики. Наконец, и с политической и даже с технической точки зрения война становится невозможной. «В результате своей технической интенсификации война сама себя уничтожила», говорит германский с.-д. Гаубах. Это — слова, а вот дела.

В пяти крупнейших капиталистических государствах, определяющих судьбы мировой политики (Франции, Англии, Италии, Соединенных штатах Северной Америки и Японии), численность армии в 1913 г. составляла 1 827 000, а в 1929 г. — уже 2 068 000, т.-е. увеличилась на 241 тыс. чел., или на 13%. И это при колоссальном росте военной техники и технической насыщенности войск. По сравнению с 1913 г. количество пулеметов на дивизию возросло во Франции в 20 раз, а в Соединенных штатах Северной Америки в 38 раз[1]. Достаточно указать, что количество одних только самолетов за пятилетие с 1923 по 1928 г. увеличилось в Англии на 121%, в Америке — на 103%, в Италии — на 140%, в Японии — на 88%. Даже во Франции, имеющей са-

[1] Данные заимствованы из доклада К. Е. Ворошилова на 2-й Ленинградской областной конференции ВКП(б).

мый мощный в мире воздушный флот, количество самолетов за этот период увеличилось с 1 350 до 1 650, т.-е. на 22%.

Американский сенат немедленно после ратификации пакта Келлога, по которому все государства мира торжественно отказываются от войны как орудия национальной политики, принимает, очевидно для доказательства своего «миролюбия», законопроект по постройке 15 новых крейсеров. Английское правительство, в ответ на это, форсирует выполнение своей судостроительной программы и подготовляет новые программы по еще большему усилению и без того самого мощного в мире морского флота.

Подготовка к войне находит свое выражение и в появлении все новых военных союзов, соглашений и договоров. Недавно голландская буржуазная печать разоблачила тайный франко-бельгийский военный союз против Германии. Окончательно установлено наличие польско-румынского наступательного военного союза против СССР. Никаких других целей, кроме подготовки войны против СССР, не стояло перед французским генералом Лероном в его «частной» поездке по восточной и центральной Европе.

Заявления о близости и неизбежности войны ответственных политических и военных деятелей крупнейших капиталистических государств становятся все более определенными и отчетливыми. Американский адмирал Пленкетт заявил в своей речи, что «мы находимся ближе, чем когда бы то ни было, перед опасностью войны, так как мы преследуем торговую политику соревнования и отбрасываем другие нации на задний план. До тех пор, пока мы будем придерживаться тех линий, которых мы придерживаемся теперь, — война абсолютно неизбежна».

И Пленкетт поясняет, что он имеет в виду «Великобританию или какую-нибудь другую нацию, интересы которой будут затронуты».

Американские сенаторы (во время обсуждения морской программы) не менее решительно указывали на Англию, как на «наиболее вероятного противника Соединенных штатов в будущей войне, и призывали американскую «демократию» к созданию самого мощного в мире морского флота.

«Мы живем в эпоху грандиозного соревнования, — говорил сенатор Рид. — Самозащита является лучшим обеспечением безопасности. Жертвой падет тот, кто окажется беззащитным. Первой обязанностью нашего флота является защита Америки, и мы должны заткнуть уши, когда раздаются речи пацифистов».

Вооружения бешено растут, потому что империалисты готовят новые войны, о чем наиболее циничные и откровенные из них заявляют во всеуслышание.

В эпоху империализма все противоречия капиталистического общества воспроизводятся в грандиозном масштабе.

«Конкуренция между мелкими капиталистами прекращается только для того, чтобы смениться конкуренцией между крупными; там, где утихает конкуренция между крупными, она разгорается между тигантскими союзами магнатов капитала и их государствами, кризисы из местных и национальных превращаются в кризисы, охватывающие ряд стран, а затем в кризисы мировые, войны местного характера сменяются войнами коалиций и войнами мировыми» (из программы Коминтерна). Неравномерность капиталистического развития, крайне усилившаяся в эпоху империализма, приводит с удивительной быстротой к столкновению крупнейших империалистических держав в их борьбе за новый передел колоний и сфер влияния. Отсюда — неизбежность империалистических войн, причем таких войн, в которые прямо или косвенно вовлекается весь мир, «которые по своему охвату и по истребительности своей техники не имеют примера в мировой истории».

«Война, — учит нас Ленин, — не случайность, не „грех", как думают христианские попы... а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [1].

«При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны» [2].

На ряду с противоречиями, присущими империализму во всех стадиях его развития, нынешняя эпоха дает нам новое, исключительной силы и остроты, противоречие, созданное победой социалистической революции и установлением пролетарской диктатуры в бывшей царской России.

«В результате первого тура империалистических войн (мировая война 1914—1918 гг.) и Октябрьской победы рабочего класса в бывшей империи российского царя мировое хозяйство раскололось на два принципиально враждебных лагеря: лагерь империалистических государств и диктатуры пролетариата СССР. Различие классовых структур, различие классовой природы власти, принципиальное различие в целях внутренней и внешней, экономической и культурной политики, принципиально различное направление всего развития резко сталкивает капиталистический мир с государством победившего пролетариата. В рамках прежде единого мирового хозяйства борются две антагонистические системы: система капитализма и система социализма» (из программы Коминтерна).

Советский Союз противостоит капиталистическому миру не только как государство пролетарской диктатуры и строящегося социализма, но и как база мировой социалистической революции и национально-освободительной борьбы угнетенных империализмом народов,

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 16.

[2] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 51.

как центр притяжения всех революционных и разрушающих империализм сил всего мира. Никакие уступки, если они только не вызывают изменения самой природы советского государства, не могут разрешить этого коренного противоречия между капиталистическим миром и СССР и тем самым не могут предотвратить попыток империалистических государств разрешить это противоречие при помощи насилия, вооруженного подавления и уничтожения Советского Союза.

Поэтому В. И. Ленин неоднократно указывал на неизбежность столкновения страны Советов с капиталистическими странами. Он говорил, что «всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут» (из доклада на IV Съезде советов о Брестском мире, 14 марта 1918 г.).

Или: «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, а существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» (отчет ЦК 8-му Съезду РКП(б), 18 марта 1919 г.).

За последние годы мы опять были свидетелями неоднократных попыток организации вооруженного похода против СССР и его экономической блокады. Особенно интенсивная подготовка вооруженного похода против СССР происходит со времени разрыва с Англией. Англии, пока еще в силу противоречий между капиталистическими государствами, не удалось сколотить единого фронта против СССР, однако в течение 1928 года, в результате заметно растущего англо-французского сближения, дело сколачивания единого империалистического фронта против СССР значительно продвинулось вперед.

Франция, особенно с приходом к власти Пуанкаре, заняла определенно враждебную СССР позицию. Европейские банкиры организуют финансовую блокаду Советского Союза.

В граничащих на западе с СССР капиталистических государствах, особенно в Польше и Румынии, ведется энергичная подготовка военного похода против СССР. В антисоветский блок вовлекаются также Чехо-Словакия, Венгрия и Югославия. В этом же направлении обрабатывается и Германия. Локарно, вовлечение группы германских финансистов в международное общество держателей русских ценностей, ряд экономических соглашений между Германией и Францией—все это реальные шаги, правда, хотя еще далеко недостаточно обеспечивающие вооруженный поход против СССР, в деле вовлечения Германии в антисоветский блок.

В дополнение к сказанному можно привести бесчисленное множество фактов и событий, характеризующих организационную и идеологическую подготовку вооруженного похода против СССР [1]. Подписание нашими соседями протокола Литвинова и пакта Келлога отнюдь не должно служить основанием для вывода об их отказе от вооруженного нападения на СССР.

Точно так же приход к власти «рабочего» правительства в Англии ни в какой степени не изменяет общего направления международной политики империализма и отнюдь не уменьшает опасности новых войн и вооруженного нападения на СССР.

Итак, вооруженный поход империализма против СССР не только неизбежен, он весьма интенсивно подготовляется, и срок, отделяющий нас от новой попытки интервенции, по всем видимостям, не очень велик.

«С точки зрения всего экономического анализа нынешнего мирового хозяйства, — говорил тов. Бухарин

---

[1] См. Колесинский, Угроза новых войн. Гиз 1929.

на VI Конгрессе Коминтерна, — с точки зрения специфических отношений внутри империалистических государств, с точки зрения общего капиталистического кризиса, — со всех этих решающих точек зрения война означает центральную проблему нынешнего дня». (Подчеркнуто докладчиком. М. П.).

Причем, в первую голову следует предвидеть войну империалистической коалиции против СССР.

«Ни один блок, — продолжает свой доклад тов. Бухарин, — не является прочным и длительным; наоборот, у всех на глазах происходит постоянная перегруппировка сил. Но через все перегруппировки, изменения и различные констеляции европейских капиталистических держав красной нитью проходит основная тенденция — группировка сил против СССР».

Эти обстоятельства делают весьма насущным и злободневным вопрос о том, каков будет характер этой войны, каких усилий она потребует от трудящихся масс Советского Союза, каковы наши сильные и слабые стороны в этой войне и, наконец, каковы возможные перспективы завершения этой войны. Разрешение всех этих вопросов поможет нам уяснить основные линии подготовки Советского Союза к обороне и в связи с этим установить, какую помощь рабочие и крестьяне могут оказать делу укрепления обороноспособности СССР еще в мирное время, в тот отрезок времени, который еще имеется в нашем распоряжении до вооруженного нападения на нас империализма.

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ВОЙНЫ.

★

«Война, — пишет Ленин, — есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение т о й ж е политики, с з а п и с ь ю тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь у с к о р я е т это развитие»[1].

Следовательно, для того, чтобы познать войну, необходимо изучить политику господствующих классов, предшествующую э т о й войне. Если, например, война вытекает из империалистической политики борьбы за рынки сбыта, сырья и капиталов, борьбы за передел между империалистическими державами колоний, полуколоний и сфер влияния, то она (война) является и может являться только империалистической войной.

При этом каждая война, по своему социально-классовому содержанию, может быть для обеих воюющих сторон либо однородной, если она вытекает из однородной политики участников войны (напр. империалистическая война 1914—18 гг.), либо различной (напр. в войне между империалистической коалицией и Китаем, Китай вел национально-освободительную войну, империалистическая коалиция — империалистическую).

Если с этой точки зрения подойдем и к будущей войне против СССР, то мы увидим, что эта война явится

[1] Л е н и н. Собрание сочинений, т. III, стр. 235. (Подчеркнуто всюду Лениным. М. П.)

результатом империалистической политики господствующих классов капиталистических стран против пролетарской революции и ликвидации тем самым преград для экономической экспансии капитализма на обширную, обладающую огромными естественными богатствами и стопятидесятимиллионным населением, территорию пролетарского государства.

Война империализма против СССР будет столкновением двух антагонистических классов современного общества: буржуазии и пролетариата.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом неизбежно перерастает в гражданскую войну, а в эпоху сосуществования диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата, капиталистической и социалистической систем — также и в войну между двумя этими системами, между империализмом и Советским Союзом. Классовая борьба, таким образом, воспроизводится в нынешнюю эпоху на новой расширенной основе «в огромном, действительно мировом, масштабе». Поскольку СССР является отечеством м и р о в о г о пролетариата, базой мировой пролетарской революции, величайшим мировым революционизирующим фактором, постольку война против СССР является контрреволюционной войной м и р о в о г о империализма против м и р о в о й пролетарской революции.

«Война империализма против Советского Союза есть явно конрреволюционная классовая война буржуазии против пролетариата. Ее главная цель — свержение пролетарской диктатуры и воцарение белогвардейского террора против рабочего класса и трудящихся масс во всех странах». (Тезисы VI Конгресса Коминтерна о борьбе против империалистической войны.)

Для Советского Союза эта же война будет носить прямо противоположный характер. Она будет р е в о л ю ц и о н н о-к л а с с о в о й войной пролетариата против мировой буржуазии, ибо пролетарии Советского

Союза будут защищать в этой войне «социалистическое отечество мирового пролетариата» от попыток буржуазно-помещичьей реставрации, будут защищать социалистическую революцию от империалистической контрреволюции; ибо в этой войне Советский Союз явится вооруженным лагерем мирового пролетариата и угнетенных народов, борющихся против империализма.

Никакой другой войны, кроме революционно-классовой, Советский Союз вести не может, ибо самой природе нашего государства чужды какие бы то ни было завоевательные стремления.

Только враги наши и пособники империалистической интервенции охотно создают нелепые теории о якобы неизбежной экспансии Советского Союза на запад в целях захвата прибалтийских портов и промышленных районов Польши, «жизненно-необходимых» Советской России для ее успешного экономического развития. Царская Россия в интересах развития российского капитализма и в целях обогащения всей привилегированной клики царизма действительно вела войны по завоеванию Прибалтики, Польши, Кавказа, Туркестана, по овладению Константинополем («Царьградом») и Дарданеллами и т. п. Но ведь эти войны вела царская Россия, которая вела политику национального порабощения и угнетения в интересах русских помещиков и буржуазии. Капиталистические государства и теперь ведут и подготовляют новые завоевательные войны и на западе и на востоке.

Эти войны вытекают из их политики, они присущи самой природе капитализма.

Что же касается Советского Союза, то, в противоположность царизму и всему капиталистическому миру, его политика требует осуществления полного самоопределения народов и исключает какие бы то ни было завоевательные войны со стороны государства пролетарской диктатуры.

Точно так же стоит вопрос о стратегических, территориальных и превентивных войнах. Никакой другой войны, кроме революционно-классовой, Советский Союз вести не может.

Этим определяется отношение пролетариата как Советского Союза, так и капиталистических стран к любой войне, которую нам придется вести. Мы, как и трудящиеся всех стран, войны не хотим и всемерно боремся за мир, против подготовки новых войн, всячески стремимся воспрепятствовать новым вооруженным столкновениям, в особенности тем, которые могут быть навязаны Советскому Союзу. Но если все же войну нам навяжут, обязанностью, прямым долгом каждого трудящегося любой страны будет всемерная защита государства пролетарской диктатуры. Разгром Советского Союза развязал бы руки мировой контрреволюции, дал бы возможность империалистической буржуазии во стократ увеличить гнет народов колониальных и зависимых стран, неимоверно усилить эксплоатацию рабочих, окончательно разгромить все политические и экономические организации рабочего класса и установить во всем мире жестокий режим буржуазно-фашистского террора.

Всемерная защита Советского Союза явится прежде всего актом самозащиты мирового пролетариата. Поскольку пролетарии капиталистических стран все больше сознают эту истину, имеются все основания рассчитывать, что уже в самом начале войны против СССР значительные слои пролетариата активно выступят на защиту последнего.

С другой стороны, война против Советского Союза приведет в движение все контрреволюционные силы внутри нашей страны, которые — при поддержке извне — попытаются выступить против Советской власти.

Таким образом, классовый характер будущей войны против Советского Союза получит свое выражение и в том, что в этой войне, с самого начала ее, будут на-

лицо элементы гражданской войны как в стане наших противников, так в известной мере и у нас, в Советском Союзе. Однако, превращение империалистической войны против СССР в гражданскую войну пролетариата и трудового крестьянства против «отечественной» буржуазии явится более или менее длительным процессом, развитие которого будет зависеть как от темпа развития классовой борьбы в капиталистических странах, так и от успехов Красной армии.

СССР В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ.

★

Мы уже установили, что Советский Союз может вести только революционно-классовые войны против империализма. Этим по существу дан ответ на вопрос о том, будет ли война для нас оборонительной или наступательной.

К вопросу об определении характера войны, является ли она оборонительной или наступательной,—марксизм подходит не с точки зрения военно-стратегических планов каждой воюющей стороны и не с точки зрения того, кто первый напал, а на основании конкретного социально-политического анализа каждой данной войны.

В подавляющем большинстве случаев просто не представляется возможным установить, кто в данной войне явился стороной нападающей, кто — обороняющейся, ибо нередко обе стороны интенсивно готовятся к войне и ищут только повода для нанесения удара своему противнику. Так бывает во всех случаях, когда война вытекает из однородной политики обеих сторон.

Особенно бессмысленными и явно лицемерными являются попытки определения нападающей и обороняющейся стороны в империалистических войнах, которые ведутся за новый передел мира, за более «справедливое» распределение колоний и сфер влияния между империалистическими грабителями. Такая война для обеих сторон является грабительской, империалистической.

Ленин, разоблачая социал-шовинистов во время империалистической войны 1914—1918 гг., писал:

«Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 ра-

бов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы ... теперешняя, империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства» [1].

При этом каждое воюющее государство и вся свора его буржуазных и квази-социалистических литераторов утверждают, что нападающей стороной является противник, а «наше отечество» только обороняется, что враг хотел этой войны, а «мы» хотим только мира.

Ясно, что только апологеты отечественной буржуазии и отечественного империализма могут пользоваться подобным определением оборонительного или наступательного характера войны в зависимости от того, кто первый напал, тем более, что ответ заранее дан: напал всегда противник, значит он ведет наступательную, а «мы» — оборонительную, сиречь справедливую, войну, и поэтому весь народ должен встать на «защиту отечества».

К совершенно иным результатам мы придем, если будем определять характер войны на основании социально-политического анализа ее, т. е. на основании анализа той политики, которая предшествовала этой войне, и продолжением которой данная война является. Именно этот метод Ленин считал единственно правильным в своих исследованиях империалистической войны. Так, например, в работе «Война и социализм» Ленин писал [1]:

«До свержения феодализма, абсолютизма и чужеземного гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 94—95.

„оборонительной" войны по отношению к войнам такой эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под „оборонительной" войной „справедливую" в этом смысле войну...

Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость „защиты отечества" или „оборонительной" войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия—Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы „справедливые", „оборонительные" войны, независимо (подчеркнуто Лениным. М. П.) от того, кто первый напал...»[1].

Следовательно, вопрос о том, кто первый напал, кто объявил или начал войну, решительно никакого значения не имеет для определения характера войны. Важно, какие цели ставятся в этой войне каждой воюющей стороной, из какой политики каждой стороны вытекает война. Причем война угнетенных против угнетателей, класса восходящего против исторически отживающего класса всегда является войной оборонительной или — что то же — справедливой. И наоборот, войны грабителей и угнетателей, носителей отживающего строя никогда не могут быть оборонительными, ведутся ли они против угнетенных народов и эксплоатируемых классов, или между грабителями и угнетателями разных национальностей.

Этот ленинский метод определения характера войны выражен в тезисах VI Конгресса Коминтерна по вопросу о военной опасности следующим образом:

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 94.

«Точного анализа характера данной войны нельзя заменить формальными признаками, вроде, например, признака наступательной войны ... Но в войнах империалистических держав против революционных государств вопрос о таком признаке нужно понимать не в стратегическом, а в историческо-политическом разрезе. Не тот ведет несправедливую войну, кто первый напал, а тот, кто является представителем реакции, контрреволюции, эксплоатации, империализма против национальной или пролетарской революции».

Война империалистической коалиции против СССР есть «явно контрреволюционная война буржуазии против пролетариата». Следовательно, независимо от того, кто в этой войне первый нападает, она будет со стороны СССР справедливой, т. е. оборонительной. (Ленин, как видно из приведенной цитаты, ставит знак равенства между понятиями «справедливая» и «оборонительная» война, считает эти определения однозначащими.)

Это определение будущей войны, как оборонительной для нас, ни в какой мере не предопределяет стратегических планов командования Красной армии и системы ее боевой подготовки, ибо, как указано в тезисах VI Конгресса Коминтерна, «вопрос о таком признаке нужно понимать не в стратегическом, а в историко-политическом разрезе». Было бы величайшей ошибкой со стороны командования Красной армии, если бы оно, исходя из оборонительного характера будущей войны, ориентировалось бы только на защиту границ СССР, исключая возможности ведения войны на территории наших противников. Красная армия оказалась бы совершенно небоеспособной, если бы она была воспитана только на обороне границ Советского Союза, а не на необходимости полного разгрома противника, безразлично на какой территории этот разгром произойдет, на территории ли Советского Союза, или в самом центре территории враждебного нам капиталистического государства. Наобо-

рот, активность и решительность действий, постоянное стремление к захвату почина в свои руки, быстрый переход от одного удара к другому так, чтобы не дать противнику опомниться и оправиться, сочетание ударов Красной армии на фронте и революционного пролетариата в тылу противника, оборона Советского Союза и одновременное способствование развязыванию классовой борьбы пролетариата в стране наших врагов, защита завоеваний Октябрьской революции и одновременная помощь восстающему пролетариату в странах капитализма и угнетенным народам Востока, — только на таких принципах могут быть построены система подготовки СССР к войне и боевое воспитание рабоче-крестьянской Красной армии.

Будущая война будет оборонительной для СССР независимо от того, как сложатся военно-стратегические действия. Этим определяется и вопрос о том, может ли Советский Союз, исходя из благоприятной ситуации, начать революционную войну против империализма для его свержения и установления пролетарской диктатуры в соседних с СССР или в главнейших капиталистических государствах.

Основным критерием при разрешении этого вопроса являются, само собой разумеется, интересы международной пролетарской революции. Пролетариат Советского Союза — победоносный отряд мирового пролетариата — оказывает международному революционному движению всемерную помощь, не останавливаясь в случае необходимости и перед вооруженным вмешательством.

В статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» Ленин писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат

этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы п р о т и в остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1].

Ту же самую мысль мы находим и в знаменитых ленинских тезисах от 13 октября 1915 г. Пункт одиннадцатый этих тезисов гласит:

«На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне (речь идет об империалистической войне 1914—1918 гг. М. П.), мы отвечаем: мы предложили бы мир в с е м воюющим на условии освобождения колоний и в с е х зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами все нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии... а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе» [1].

Итак, Ленин еще до победы пролетарской революции ставил вопрос о том, что победивший в одной стране

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 133 (подчеркнуто В. И. Лениным.)

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XIII, стр. 209 (подчеркнуто В. И. Лениным.)

пролетариат должен будет встать против остального, капиталистического мира и повести против него революционную войну.

Значит ли это, что победивший в одной стране пролетариат выступает с оружием в руках против капиталистического мира, при любых условиях и независимо от наличия революционного кризиса в других странах? Нет, не значит.

Вооруженное вмешательство целесообразно только при определенных политических и стратегических условиях и при наличии непосредственно революционной ситуации. В противном случае оно может затруднить развитие классового самосознания зарубежного пролетариата и подорвать победу пролетариата Советского Союза.

Пролетариат, не осознавший в борьбе необходимости установления своего господства, своей диктатуры, как единственного радикального средства уничтожения капиталистического строя и единственно возможного пути к социализму, не сможет с достаточной сплоченностью, решимостью и самоотверженностью отстоять свое господство и воспользоваться им в своих классовых интересах. О крестьянстве же и прочих потенциальных союзниках пролетариата и говорить не приходится.

Вот почему Энгельс в своем письме к Каутскому еще в 1882 г. писал:

«Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. (Подчеркнуто Энгельсом. М. П.) Разумеется этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода»[1].

Ту же мысль высказывает и Ленин в своей полемике с левыми коммунистами по вопросу о Брестском мире. В ответ на резолюцию состоявшего из «левых» Мо-

---

[1] Цитировано по Ленину, т. XIII, стр. 428.

сковского областного бюро РКП(б) о Брестском мире Ленин в своей статье «Странное и чудовищное» писал:

«Может быть авторы (упомянутой резолюции. М. П.) полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы наша война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде „узаконения" империализма. Подобная „теория" шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал „подталкивание" революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогала этой революции, но форму помощи избрала соответственно своим силам»[2].

Ясно таким образом, что В. И. Ленин считал обязательным для пролетариата победившей страны оказывать всяческую помощь (в том числе и вооруженную) международному пролетариату и угнетенным народам, при том непременном условии, что формы этой помощи должны быть выбраны сообразно с международной политической обстановкой и с учетом внутриполитического положения соответствующих стран.

Перспективу революционной войны пролетарской диктатуры против империализма предусматривает VI Конгресс Коммунистического интернационала, дав следующее указание в своих тезисах о военной опасности:

«Но свержение капитализма невозможно без насилия, без вооруженного восстания и войн пролетариата против буржуазии. В нынешнюю эпоху империалистических

---

[2] Ленин, Собрание сочинений, т. XV, стр. 104 (подчеркнуто В. И. Лениным).

войн и мировой революции неизбежны и революционные, как доказал Ленин, гражданские войны пролетариата против буржуазии, войны пролетарской диктатуры против буржуазных государств и мирового капитализма (подчеркнуто нами. М. П.) и национально-революционные войны угнетенных народов против империализма».

Можно ли будет такую войну пролетарской диктатуры против буржуазных государств и мирового капитализма, которую СССР может предпринять для оказания помощи пролетариату и угнетенным народам, считать наступательной со стороны СССР? Нет, и эта война все же будет для СССР оборонительной, ибо, как уже было выяснено, вопрос о характере войны решается независимо от того, кто первый напал, а в зависимости от тех политических целей, которые каждая сторона ставит в этой войне, причем война революционного, прогрессивного, восходящего класса и угнетенного народа против угнетателей, эксплоататоров и отживающих классов всегда является войной оборонительной, т. е. справедливой, войной в интересах широких трудящихся масс.

При определении характера будущей войны против СССР нельзя сбрасывать со счетов и международной политики советского правительства. У нас до сих пор нередко недооценивают международно-революционного значения мирной политики нашего правительства. У нас до сих пор мирная политика советского правительства нередко расценивается, как проявление нашей слабости, боязни войны с объединенными вооруженными силами империалистической коалиции.

В действительности же наша мирная политика есть политика обеспечения социалистического строительства в СССР, укрепления базы международной революции и ограждения мирового пролетариата от тех тяжелых ударов, которые буржуазия неизбежно попытается нанести ему в случае войны против СССР. Каждый год

мирного сосуществования СССР и капиталистического мира, укрепляя Советский Союз и обостряя противоречия империализма, тем самым укрепляет позиции мирового пролетариата в его борьбе с капитализмом. В силу этих обстоятельств мирная политика Советского Союза целиком и полностью соответствует интересам международного пролетариата и пролетарской революции. Неуклонно ведя политику мира, пролетариат Советского Союза осуществляет свой интернациональный долг перед мировым пролетариатом, разоблачая, вместе с тем, и подготовку империалистической буржуазии к новым войнам.

«Международная политика СССР, отвечающая интересам господствующего в СССР класса — пролетариата — и интересам международного пролетариата, теснейшим образом сплачивающая всех союзников пролетариата с пролетарской диктатурой, создающая основу для использования противоречий между капиталистическими государствами, есть мирная политика. Ее цель — стоять на страже международной революции и охранять строительную работу социализма, который своим существованием и ростом революционизирует мир; она заключается в максимальной отсрочке военного столкновения с империализмом». (Из тезисов VI Конгресса Коминтерна.)

О ЧИСЛЕННОСТИ АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ.

★

Для определения путей подготовки к будущей войне весьма важно установить, какая, примерно, людская масса будет вовлечена в эту войну в качестве вооруженной силы. Конечно, точно определить количество людей, которых нам — или любому другому государству — придется призвать в ряды армии в течение всей будущей войны, совершенно невозможно, ибо ряд факторов, определяющих это количество — состав и силы противника, длительность войны и пр., — решительно не поддаются заблаговременному учету. Но опыт последних войн, современное состояние военной техники и перспективы ее развития, потенциальные возможности производительных сил современного общества в вооружении армии, ее разворачивании и снаряжении — все эти данные позволяют нам установить, с какими, примерно, величинами, в отношении численности войск, нам придется столкнуться в будущей войне.

Обратимся, прежде всего, к опыту последней большой войны О численности армии и общем числе призванных в ряды армии за время империалистической войны 1914—18 гг. в нашем распоряжении имеются следующие данные (см. на стр. 33)[1].

Итак, за время империалистической войны всеми ее участниками было призвано в ряды армии около 70 миллионов человек. Причем отдельные государства, участвовавшие в войне, мобилизовали до 20% всего населе-

[1] Фрунзе, Собрание сочинений, т. II, стр. 74—75.

Наименование государства	Призвано в ряды армии	Наивысшая численность армии
I. *Государства Антанты:*		
Россия	18 000 000	6 700 000
Франция	8 407 000	3 781 000
Великобритания	8 654 467	5 336 943
Бельгия	500 600	145 000
Соединенные штаты	3 780 000	3 500 000
Италия	5 000 000	850 000
Прочие	1 870 000	700 000
Итого	46 211 467	21 042 943
II. *Центральные державы:*		
Германия	11 000 000	4 940 000
Австро-Венгрия	9 000 000	2 460 000
Болгария	600 000	250 000
Турция	2 850 000	250 000
Итого	23 450 000	7 900 000
Всего	69 661 467	28 942 943

ния страны, т. е. подавляющее большинство всего трудоспособного мужского населения.

Что же дало возможность империалистическим государствам поднять такие массы на войну? В столь напряженной схватке, какой была империалистическая война, каждая страна естественно стремилась максимально использовать все свои ресурсы для нужд войны и отдавала фронту максимум того, что могла дать. Таким образом, очевидно, что численность действовавших на фронтах армий и общее число призванных за все

время войны определилось технико-производственными возможностями и ресурсами участников империалистической войны.

Огромные потери действовавших армий требовали все новых и новых пополнений, а следовательно, и новых мобилизаций, но как только ресурсы были исчерпаны, мобилизации прекратились и редеющий фронт перестал получать новые пополнения, несмотря на все увеличивавшуюся нужду в них. Правда, объединенный франко-англо-американский фронт не прекращал получать пополнения до самого конца империалистической войны, но это лишь свидетельствует о том, что еще не все ресурсы Антанты (включая Соединенные штаты) были исчерпаны: обладавшие наибольшими ресурсами для ведения войны Соединенные штаты Северной Америки вступили в войну лишь незадолго до конца ее и, таким образом, не успели исчерпать и десятой доли своих ресурсов.

Без всякой боязни впасть в ошибку или оказаться не совсем точным можно утверждать, что именно гигантски выросшие возможности участников войны послужили причиной столь головокружительного роста вооруженных сил и числа призванных за время империалистической войны по сравнению с предшествовавшими ей войнами.

Одной из существенных границ численности вооруженных сил во время войны являются ресурсы народонаселения страны. Так, например, Германия к концу войны имела огромные запасы вооружения и еще далеко не исчерпанные возможности их производства, однако, армия ее сокращалась в виду того, что полностью были исчерпаны ее людские ресурсы. В то же время Россия исчерпала не более половины своих людских ресурсов, так как не справлялась ни с вооружением, ни с доставкой на фронт, ни с снабжением и той армии (по своей абсолютной величине, правда, превосходившей армии

всех других участников империалистической войны), которую она мобилизовала.

Народонаселение является одним из лимитов численности вооруженных сил во время войны. Но ведь далеко не всегда, как это мы видим на примере России во время империалистической войны, представляется возможным исчерпать все людские ресурсы страны. Ведь до империалистической войны никому не удавалось мобилизовать 20% всего населения страны. Очевидно, имеются другие факторы, определяющие численность вооруженных сил и общее число мобилизованных за время войны.

Армия — это не просто людская масса, но определенным образом организованная и вооруженная масса людей. Во время войны недостаточно вооружить армию, ее необходимо доставить на фронт, регулярно питать и снабжать всеми необходимыми ей боевыми припасами; равным образом для сохранения боеспособности армии необходимо регулярно пополнять ее свежими силами взамен убитых, раненых и больных, а последних (больных и раненых) постоянно эвакуировать в тыл. Следовательно, чем большие возможности страна имеет в деле вооружения армии, ее доставки на фронт и регулярного снабжения уже действующей армии, тем большую армию она может выставить во время войны.

Чем определяются возможности вооружения армии, снабжения ее на фронте и доставки на фронт как самой армии, так и последующих пополнений? Очевидно, наличием запасов всех предметов военного снабжения, их производством во время войны и состоянием транспорта. Расход боевых припасов и всех видов военного снабжения в современной войне столь велик (подробней об этом будем говорить ниже), что запасы снабжения могут иметь значение лишь в самом начале войны, в основном же современная война может базироваться только на производстве всех видов снабжения армии уже во время

самой войны. К тому же и самые-то запасы в конечном счете зависят от состояния того производственного аппарата, при помощи которого они могут быть произведены. Таким образом, в наших дальнейших рассуждениях мы можем сбросить со счетов запасы военного снабжения и сосредоточить свое внимание на возможностях производства всего необходимого армии для ведения войны и состоянии транспорта.

О том, какие гигантские возможности для доставки на фронт, переброски, пополнения и снабжения армии представляет современный транспорт и как быстро растут эти возможности, можно составить себе представление хотя бы из следующих данных.

«Длина железнодорожной сети в середине прошлого столетия (1850 г.) равнялась 38 600 километрам; к 1880 г. эта цифра возросла до 372 000 километров. С тех пор длина рельсовых путей увеличивается с поразительной быстротой:

	Конец 1890 г. (километров)	Конец 1911 г. (километров)
Европа	223 869	333 880
Америка	331 417	541 028
Азия	33 724	105 011
Австралия	18 889	32 401
Итого	607 899	1 012 320

Таким образом, за двадцатилетие (1890—1911 гг.) длина железнодорожной сети возросла в 1,71 раза (+ 71%)» [1].

[1] Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 23.

Еще быстрее шел процесс развития морского транспорта, что можно установить из следующей таблицы [1]:

	Увеличился в % с 1872 г. по 1907 г.	Увеличился в % с 1890 г. по 1907 г.
Английский торговый флот	184	106
Немецкий » »	281	166
Французский » »	70	96
Норвежский » »	64	7
Японский (1885—1907 гг.)	1 077	52

Причем за десятилетие с 1905 г. по 1914 г. среднее ежегодное мировое судостроение составляло 2 530 тыс. гросс-тонн.

Не трудно себе представить, как это бурное развитие транспорта в десятилетия, предшествовавшие империалистической войне, сказалось на всей войне, в особенности на численности действовавших в ней армий. Достаточно указать, что «во время войны британский флот транспортировал через море 23 388 228 участников действующей армии; 3 366 241 чел. для обслуживания тыловых органов, 2 264 134 головы лошадей и скота, 512 000 повозок, 47 992 839 тонн британских военных грузов и свыше 60 000 000 тонн нефти и другого вида топлива.

Кроме того, привезено на этих же судах в Великобританию продовольственных и иных грузов 130 000 000 тонн» [2]. Для снабжения английской армии требовалось ежедневно в октябре 1916 г. 140 поездов,

---

[1] Там же, стр. 24.

[2] Шаров, Влияние экономики на исход мировой войны, стр. 109—110.

а для снабжения французской действующей армии в ноябре того же года требовалось 200 поездов.

По свидетельству Микеля (французского офицера), с 20 марта по 11 ноября 1918 г. на севере и востоке Франции циркулировало 17 тысяч воинских поездов, к коим присоединилось 33 тыс. поездов для снабжения и эвакуации.

Помимо железнодорожного и морского транспорта в империалистическую войну большую роль в деле переброски войск, эвакуации раненых и снабжения армии уже сыграл автомобильный транспорт. По данным того же Микеля, за 4 года войны во Франции перевезено на автомобилях: грузов 25 млн. тонн, бойцов — 24 млн., раненых — 10 млн. В течение трех дней — 16, 17 и 18 июля 1918 г. — французские грузовики перевозили ежедневно по 60 тысяч человек и 15 тысяч тонн боеприпасов.

Совершенно естественно, что не будь столь развитого транспорта, участники империалистической войны не смогли бы оперировать армиями такой численности, что одно только состояние транспорта в прошлом столетии исключало возможность для отдельных государств призыва в ряды армии в течение четырех лет 10 и выше миллионов человек с последующим использованием почти всей этой массы призванных на фронте.

Еще шире раздвинулись рамки производства предметов вооружения и боевого снаряжения армии. В прежние времена оружие производилось исключительно военными заводами. Производственная мощь этих заводов являлась поэтому лимитом производства вооружения для армии.

В наше время положение вещей резко изменилось. Современная техника и организация промышленности допускают широкое использование всего производственного аппарата страны для производства предметов вооружения. Так, во время империалистической

войны металлургическая и металлообрабатывающая, главным образом машиностроительная, промышленность приспособилась к производству пушек, снарядов, пулеметов и прочих боевых припасов для действующей армии. Авто и дизель-заводы наладили производство танков и авиамоторов. Химическая промышленность, главным образом фабрики анилиновых красок, была использована для производства отравляющих веществ и т. д. и т. п.

Таким образом, в наше время рост возможностей производства предметов вооружения определяется отнюдь не ростом военной промышленности, а ростом всей производственной базы страны. Больше того: в силу большого развития мировых связей создаются благоприятные предпосылки использования для производства вооружения и снабжения армии внешних источников сырья и даже внешнего производственного аппарата — союзников и нейтральных государств. Так, во время империалистической войны не только экономически слабые государства снабжались оружием своими более мощными союзниками (Турция и Австро-Венгрия — Германией, Россия — Англией), но и нейтральные государства широко «приходили на помощь» участникам войны, снабжая их продовольствием, сырьем, а нередко и оружием.

Следовательно, с ростом производительных сил мирового хозяйства растут и возможности снабжения все большей армии для каждого в отдельности взятого государства, что, в свою очередь, дает ему возможность соответственно увеличивать численность своих вооруженных сил во время войны.

Следующая небольшая таблица дает нам достаточно наглядное представление о том, каким темпом ширилась база снабжения вооруженных сил с середины прошлого столетия до начала империалистической войны (точнее, до 1911 г.).

Мировое производство.

	1850 г.	1900 г.	1911 г.
Угля (в млн. метр. тонн) .	82,6	771,1	1 165,5
Железной руды (в милл. метр. тонн)	11,5	92,2	139,5
Чугуна (в млн. метр. тонн)	4,7	41,1	64,9
Меди (в тыс. метр. тонн)	52	561	893,8

В сопоставлении с приведенными выше данными о развитии мирового транспорта эта таблица дает достаточно полное объяснение тому гигантскому росту вооруженных сил, который мы наблюдали во время империалистической войны.

К сказанному необходимо добавить еще два существенных обстоятельства. Для того чтобы призвать в ряды армии до 20% населения, необходимо иметь не только развитый транспорт и хорошо развитую сеть связи, но и обладать достаточно организованным и достаточно мощным государственным аппаратом, который, с одной стороны, в состоянии проникнуть во все поры и щели государства, а с другой стороны, обладает способностью и возможностью распоряжаться всем населением страны. Еще в середине прошлого столетия такая мобилизация была бы совершенно немыслимой не только потому, что народное хозяйство не выдержало бы ее, но и потому, что государственный аппарат не справился бы с нею.

Но уже к началу империалистической войны буржуазия всех крупнейших капиталистических стран обладала достаточно централизованным, хорошо организованным аппаратом государственного принуждения, который дал ей возможность изъять для войны все наиболее трудоспособное население.

Во-вторых, буржуазия смогла провести столь грандиозные мобилизации и потому, что ей удалось вооружить многомиллионные массы не только пушками, снарядами, танками, аэропланами, удушливыми газами и прочими средствами разрушения и истребления противника, но также идеями и лозунгами войны. Конечно, эти лозунги и идеи ни в какой мере не были выражением действительных целей войны, которые были самым тщательным образом завуалированы усердно вколачиваемыми в головы народных масс лицемерными идеями защиты отечества, цивилизации, национальной культуры и благосостояния народа. И эти лицемерные идеи были восприняты народными массами при активном содействии социалистических партий II Интернационала. Широчайшие слои населения всех империалистических государств в значительной мере были убеждены в том, что их призвали действительно для защиты отечества, культуры и народного благосостояния от покушающегося на свободу и благополучие народа врага, что призванные в армию жертвуют и должны жертвовать собою ради благополучия их жен и детей, ради процветания национальной культуры и «свободного развития творческого духа народа».

Без этого убеждения масс в необходимости борьбы именно за те цели и идеи, которые им преподносились в правительственных декларациях, в прессе, в поповских проповедях, на социал-демократических митингах и собраниях, в школьных учебниках, — через всю систему идеологического воздействия господствующих классов на массы, без этого убеждения не могло быть и речи о мобилизации и вооружении столь огромного слоя наиболее активной части населения.

Так было во время империалистической войны, таковы факторы, определившие в общей сложности численность вооруженных сил и число призванных в ряды армии за время этой войны. Продолжают ли и теперь

все эти факторы действовать в том же направлении? Не произошло ли со времени империалистической войны каких-либо коренных перемен, которые вносят или должны будут внести революцию в численность вооруженных сил военного времени?

Кое-кто склонен думать, что такие перемены действительно произошли, и что мы поэтому находимся накануне полного переворота в отношении численности вооруженных сил военного времени, что «массовые армии — пережиток прошлого», что будущая война потребует численно весьма небольшой армии, отлично снабженной всеми орудиями самоновейшей техники.

Такого взгляда придерживается, например, английский полковник Дж. Фуллер, который в своей работе «Танки в великой войне 1914—18 гг.» пишет:

«Теперь я верю в механическую войну, т.-е. в армию, снабженную машинами, которая потребует мало людей и сильные машины».

«Война будущего, — пишет он в другом месте, — будет борьбой между подвижными крепостями, сопровождаемыми подвижными складами снабжения».

Техника решительно вытесняет человека из армии, — такова основная мысль Фуллера. Причем он настолько увлечен этой заманчивой идеей, что в серьезной военно-исторической работе ударяется в чистую фантазию, рисуя войну будущего, как войну без всякой армии, с помощью одних только гигантских машин, управляемых одним человеком, который может находиться за тысячи километров от этих машин.

«Принимая, что главным изменением в военном деле будущего, — пишет Фуллер, — будет замена силы человека силой машины, получаем логический вывод, что идеальная армия, к которой надо стремиться, это — не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхученый, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести

в действие машины, изобретенные лучшими умами науки в мирное время. Такой армии нет даже надобности занимать театр военных действий; человек, который ее представляет, может быть спрятан за тысячи милей, хотя бы на Камчатке и вести сражение на западном фронте» [1].

Весьма близок к Фуллеру в вопросах о соотношении техники и людской массы в будущей войне немецкий офицер Георг Зольдан. По мнению Зольдана, «в век материального сражения массовая армия — это пережиток». «Банкротство массовых армий есть достояние истории». «По опыту мировой войны путь строительства вооруженных сил будущего ведет к небольшой действующей армии, отлично снабженной технически и впитавшей в свои ряды лучший человеческий материал» [2].

Наконец, с аналогичными взглядами мы встречаемся и у нашего военного писателя, работника Красной армии, А. Верховского.

«Старые роды оружия, — пишет А. Верховский, — артиллерия и пехота должны будут уступить место новым силам, где решающее значение будет иметь двигатель внутреннего сгорания».

«Артиллерийские массы сегодняшнего дня и пехота, сражающаяся с обнаженной грудью, окажутся такими же бессильными пережитками древности, какими сейчас кажутся воины в звериных шкурах эпохи Нибелунгов» [3].

«Ясно, что при таком характере организации вооруженных сил массовая армия исчезнет, ее заменит

---

[1] Дж. Фуллер, Танки в великой войне 1914—1918 гг., ВВРС, М. 1923 г.

[2] Г. Зольдан, Человек и битва будущего, ГИЗ 1928 г., стр. 71—72.

[3] А. Верховский, Основы нашей тактики. Огонь маневр и маскировка, ГИЗ 1928 г., стр. 228.

небольшая армия „рыцарей“, которую можно построить по классовому признаку... Этот процесс с началом войны начнет развиваться с громадной быстротой»[1].

Ход мыслей и выводы у всех авторов — одни и те же. Современная военная техника достигла уже такой истребительной силы, что массовое сосредоточение армии на театре военных действий ведет лишь к неисчислимым жертвам и поэтому лишено всякого смысла. Современная военная техника, особенно авиация, снабженная химическими бомбами, проникает глубоко в тыл противника, сметает границы вооруженного фронта и переносит борьбу в экономические и политические центры государства, тем самым в значительной мере лишает смысла самый вооруженный фронт, вооруженную борьбу людских масс на театре военных действий, в старом общепринятом понимании этого термина. Танки беспрепятственно проходят через проволочные заграждения и окопы, от них никуда не скроешься, пехота против танков совершенно бессильна, в силу этого теряется смысл и возможность массового применения пехоты на театре военных действий. Пехота, составлявшая еще в империалистическую войну главную массу армии, перестает быть основным родом войск, уступая свое место техническим войскам, благодаря чему наступает революция в численности и составе армий военного времени: от многомиллионной армии — к малочисленной, до отказа машинизированной армии, от многомиллионной пехоты — к «подвижным крепостям», обслуживаемым ничтожным количеством людей. Источником этой революции в численности вооруженных сил военного времени являются те коренные изменения в военной технике, которые произошли после империалистической войны, начавшись еще в конце ее.

---

[1] Там же, стр. 231.

Мы при рассмотрении факторов, определявших численность вооруженных сил во время империалистической войны, совершенно не касались военной техники, ибо считаем, что военная техника влияет на численность вооруженных сил военного времени лишь как производное от техники промышленности и транспорта, вернее, как производное от общего уровня производительных сил данного общества.

Самодовлеющего же влияния на численность вооруженных сил военная техника не имеет.

Поясним нашу мысль. В армии, как и в производстве, участвуют человек и машина (техника). Прогресс промышленной техники вытесняет рабочего из производства в том смысле, что всякое техническое усовершенствование повышает производительность рабочего, приводит к сокращению живого труда, необходимого для производства данного количества продуктов. В годы особенно быстрого технического прогресса, если последний к тому же не сопровождается соответствующим ростом рынка, происходит обычно не только относительное, но и абсолютное вытеснение рабочего машиной. Такой процесс мы наблюдаем, например, в настоящее время в Германии и САСШ.

Казалось бы, что и в военном деле техника, поскольку каждое техническое орудие заменяет и на войне работу нескольких людей, или дает возможность одному человеку произвести значительно большие разрушения и истребить значительно больше народу в войсках противника, чем без этого орудия—казалось бы, что и здесь техника должна быть фактором, если не понижающим численность армии, то во всяком случае сдерживающим ее рост. Однако данные о численности армий империалистической войны, которая характеризуется особенно бурным ростом военно-технических усовершенствований и технической насыщенности войск, не дают оснований для подобного вывода.

В чем кроются причины того, что военная техника, достигшая весьма высокого уровня своего развития, ни в какой мере не вытесняет живой силы на войне? Причины этого, нам думается, нужно искать как в непрерывном росте масштаба войн и военного дела, так и в появлении целого ряда новых отраслей военного дела и военной подготовки.

Один из важнейших законов развития военной техники состоит в параллельном развитии, с одной стороны, техники разрушения и истребления, а с другой, — техники обороны. Ружейно-пулеметному огню противопоставляются окопы, артиллерии — бетонированные и другими средствами укрепленные траншеи. Стоило появиться аэропланам, как вслед за ними на сцену выходит специально предназначенная для борьбы с авиацией зенитная артиллерия. Появление танков вызвало к жизни технику противотанковой обороны. Применение на войне отравляющих веществ породило противогазы и технику дегазации. Средства нападения и средства обороны являются продуктом одной и той же современной им техники общественного производства. Этим объясняется то обстоятельство, что всякому новому оружию нападения столь же быстро противопоставляется новое орудие обороны.

Прекрасной иллюстрацией к вопросу о развитии техники обороны служат следующие данные об эффективности артиллерийского огня в отношении живой силы: в начале империалистической войны на каждого убитого приходилось около 0,25 тонны снарядов, но уже в 1917—1918 гг. вес снарядов, приходящихся на одного убитого, увеличился в 10—20 раз, дойдя 2,5 — 5 тонн.

Говоря о развитии средств нападения и средств обороны, необходимо иметь в виду, что очень часто они являются совершенно однотипными, даже больше того— одно и то же орудие выполняет и функцию нападения и функцию обороны. Основным оружием борьбы с авиа-

цией, помимо зенитной артиллерии, является авиация; для борьбы с артиллерией противника нужна, прежде всего, артиллерия. По мере роста и технического совершенствования артиллерии и авиации все большая часть их используется для борьбы с соответствующим оружием противника: все большая часть артиллерии предназначается для нейтрализации артиллерии противника, все большая часть авиации используется в качестве орудия подавления, нейтрализации авиации противника.

Всякая борьба состоит в стремлении обессилить противника, что требует определенных затрат своих собственных сил, и затем, если окажется избыток сил над противником, окончательно его уничтожить. То же самое происходит и на войне: каждая из воюющих сторон старается, прежде всего, обессилить своего противника, и та из них, у которой окажется избыток сил над противником, оказывается победительницей [1]. Обессилить противника — это значит, прежде всего, выбить из его рук оружие борьбы. С развитием этого оружия в каждой из воюющих сторон все большая его доля уходит на борьбу с оружием противника. Современная война, в силу этого, все больше принимает характер борьбы техники. Однако, техника эта приводится в движение человеком и рост ее, поскольку он имеет место в обеих воюющих сторонах, поскольку все большая ее доля уходит на взаимное уничтожение, неизбежно вызывает параллельный рост живой силы.

В войне каждая из воюющих сторон стремится использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства для

---

[1] Избыток сил над противником или решающая гиря на чаше весов войны нередко оказывается у того, кто вступал в войну с численно меньшей и технически менее обеспеченной армией. В таком случае этот избыток достигается искусством маневрирования войсками и техническими средствами войны, качеством подготовки войск, умелым использованием благоприятной политической ситуации и т. д., и т. п.

победы над противником. Это простейший закон всякой борьбы. Поэтому при столкновении двух более или менее равных по силе противников каждый из них стремится выставить максимум тех сил, которые участвующая в войне страна или коалиция может дать. Самая архистребительная техника встречает подобную же технику. Затем начинается погоня за численным превосходством в этой технике, которая приводит к колоссальному насыщению вооруженного фронта техническими средствами, что влечет за собой параллельное насыщение фронта людской массой. Таким образом, в силу самой логики борьбы развитие военной техники отнюдь не ведет к сокращению армий военного времени, а наоборот скорее способствует их росту. А так как рост военной техники увеличивает человеческие жертвы на фронте, а развитие транспорта представляет все большие возможности замены убывших новыми пополнениями, то число призванных за время войны растет еще быстрее, чем армии военного времени.

Какие же изменения в военной технике произошли после империалистической войны и почему эти изменения, как думают названные нами авторы, должны повернуть вспять описанный нами процесс влияния военной техники на численность войск? Насколько нам известно, все изменения в военной технике в послевоенное время могут быть в основном сведены к значительному качественному усовершенствованию и огромному количественному росту танков и авиации и бурному развитию химических средств войны. Параллельно не менее интенсивно развиваются средства противовоздушной, противохимической и противотанковой обороны. значительно ослабляющие разрушительную и истребительную силу этого новейшего оружия современных армий.

В силу столь бурного развития технических средств войны (технических средств нападения и обороны),

происходят значительные качественные изменения в составе армий: пехота заметно вытесняется техническими войсками и сама все гуще насыщается орудиями современной военной техники. Этот процесс, однако, довольно старый и лишь отражает общий технический прогресс, но за время империалистической войны и после нее он получает довольно резкое выражение.

Можно ли все-таки, говоря о вытеснении пехоты техническими средствами борьбы, делать вывод о том, что современная техника исключает миллионные армии на полях сражения, что техника решительно вытесняет человека из армии? Такой вывод можно было бы сделать, если бы была доказана невозможность такого массирования технических средств борьбы, которое требует для приведения их в действие миллионной людской массы.

Самая военная техника, т.-е. свойства того или иного оружия, как уже было нами выяснено, не дает границ массирования технических средств борьбы на фронте, наоборот, соревнование в применении технически наиболее совершенного орудия толкает воюющие стороны ко все более массовому его применению. Единственная известная нам граница массового применения технических средств борьбы на фронте — общий уровень технических и производительных сил, на которые базируется боевое снабжение армии.

Тот, кто ставит вопрос о полном вытеснении пехоты (и даже артиллерии!) сверхмощными орудиями современной военной техники, должен предполагать настолько развитую технику и настолько высокий уровень производительных сил, что о препятствии с их стороны массовому применению технических средств борьбы на фронте говорить, очевидно, не придется. А раз массовое применение техники, — значит и массовая армия, приводящая в движение эту технику.

Итак, данные о развитии военной техники могут дать основания для рассуждений о вытеснении одного ору-

жия борьбы другим, одних родов войск другими, но решительно никаких оснований они не дают для вывода о том, что массовая армия, массовое применение человека на войне себя изжило, отошло в область далеких преданий.

Даже при полном вытеснении пехоты техническими средствами войны не может быть речи о том, что в будущей войне исключена возможность применения массовых армий. Тем более не может быть речи об этом в том случае, если мы признаем, что пехота во всех континентальных армиях, в том числе и технически наиболее мощной французской армии, до сих пор еще остается основным родом войск.

Причину того обстоятельства, что пехота все еще остается основным родом войск, следует, конечно, искать не в консервативности военной мысли, а как это ни парадоксально, в недостаточном развитии военной техники и материальных источников для такого массового производства военно-технических средств войны, которое позволило бы упразднить пехоту или, по крайней мере, свести ее к ничтожной численности.

Современные орудия военной техники обладают способностью далеко проникнуть за пределы вооруженного фронта, но численно и качественно они еще столь ограничены, что не могут упразднить самый вооруженный фронт и перенести центр тяжести войны в воздух и в экономические и политические центры воюющих государств. А до тех пор, пока вооруженный фронт сохраняет свое значение, пехота остается основным родом войск. Артиллерия, танки и прочие технические средства войны могут нанести колоссальные разрушения в расположении противника и огромные поражения его живой силе, но достигнутое с помощью техники может быть закреплено только пехотой, проникающей непосредственно в расположение противника, преодолевающей последнее его сопротивление и закрепляющей

новую территорию, новые исходные позиции для поражения врага. И, с другой стороны, никакие технические средства без пехоты не способны воспрепятствовать продвижению противника вглубь государства, к его жизненным центрам.

Анализируя опыт империалистической войны, уже упомянутый нами французский военный писатель Микель следующим образом определяет место пехоты в современном сражении:

«Нельзя думать, что можно сломить сопротивление противника исключительно при помощи той могучей материальной части, которой располагают в наши дни. Только пехота может завершить занятие местности, подготовленное действием артиллерии; она одна может утвердиться на всем пространстве разгромленных позиций, наконец, она одна может поддерживать тесное соприкосновение с отступающим противником»[1].

В другом месте своего произведения Микель еще резче выявляет роль пехоты в современном сражении:

«Пехота берет на себя тяжелую задачу — проникнуть первой (подчеркнуто во всей цитате нами. М. П.) на атакуемые позиции, сломить последнее сопротивление неприятеля и обеспечить достигнутые цели в ожидании вступления в дело других родов войск. Этот заключительный маневр пехоты составляет решительный акт боя. Его нельзя избегнуть, как бы ни были значительны материальные средства, примененные в течение сражения... Разумеется, заключительная атака имеет целью, главным образом, пехоту противника, так как исход современных сражений, несмотря на весь прогресс техники, решается в конце концов столкновением двух пехот»[2].

---

[1] Микель, Стратегические и тактические уроки войны 1914—18 гг., ГИЗ 1928 г., стр. 201.

[2] Там же, стр. 100.

Отводя пехоте решающую роль в современном сражении, Микель одновременно обращает внимание на подчиненную роль технических средств боя и безжалостно бичует тех, кто допускает возможность проведения самостоятельных операций танками и другими техническими войсками, возможность замены в современном сражении пехоты техническими войсками.

«Танки, — пишет Микель, — употребляются для очистки поля от большинства препятствий... которые мешают продвижению пехоты... Самостоятельная деятельность танков не дала бы в продолжение боя никаких прочных результатов, так как эти машины неспособны к длительному занятию и к обороне завоеванной местности» (вот здесь-то собака зарыта! — М. П.).

«Средство сопровождения (а такими ведь являются все технические средства войны, все они сопровождают пехоту. М. П.) не может ни отделяться от войск, которые оно поддерживает, ни заменять пехоту при выполнении тех задач, которые разрешимы только для последней».

«Из предыдущего видно, какую химеру представляют выдумки тех новаторов, которые хотели бы создать из танков самостоятельный род войск» [1].

Высказанное Микелем мнение о роли пехоты в современном сражении (и в современной войне) является господствующим как у нас, так и за границей и в той или иной форме зафиксировано во всех боевых уставах. Для нас мнение Микеля представляет, однако, особый интерес, как мнение французского военного писателя. Если наших русских военных писателей кому-нибудь и может взбрести в голову обвинить в том, что их мнение базируется на нашей технической отсталости, то уж в отношении французской военной мысли этого никак сказать нельзя.

---

[1] Микель, Стратегические и практические уроки войны 1914—18 гг., ГИЗ 1928 г., стр. 113.

Итак, пехота есть наиболее массовый род войск, и все еще остается решающей силой на войне. Правда, пехота сама, под влиянием развивающейся техники, подвергается постоянным изменениям, вооружается все новым, технически более совершенным оружием, все гуще насыщается техническими средствами боя, соответственно меняются ее организация и тактика, но при всем этом она не перестает быть пехотой, не теряет основных своих свойств.

Характер современного боя делает все более трудным владение массами на поле сражения. Но эти затруднения буквально бледнеют перед теми затруднениями в деле владения массами, которые создаются самыми противоречиями империализма, ростом революционного сознания трудящихся масс, растущим вширь и вглубь стремлением масс к свержению империалистического гнета. Это прекрасно понимают правящие классы империалистических государств. Отсюда все растущая боязнь массовой армии, боязнь, чтобы миллионные массы не повернули свое оружие против своих империалистических владык. Отсюда все решительней проникающая в генералитет буржуазных армий боязнь массовой армии. Именно из этой боязни массовой армии исходят Фуллер, Зольдан и иже с ними в своих планах будущей войны с помощью численно маленькой, но в грандиозных масштабах оборудованной техническими средствами, армии.

Что именно здесь корень «заблуждений» Фуллера, Зольдана и др., нетрудно установить из их же собственных произведений.

«Чем больше армия, тем меньше ее психологическая выносливость». — пишет Дж. Фуллер, скрывая под псевдонимом психологической выносливости не что иное, как политическую устойчивость армии. Здесь Фуллер совершенно прав: чем больше империалистическая армия, тем большее место в ней занимают рабочие и крестьянские массы, тем менее она, как армия импе-

риализма, политически устойчива, тем больше шансов на то, что свое оружие она повернет против своих господ.

А Зольдан прямо заявляет, что «мы приближаемся теперь к эпохе, когда во всей Европе, даже во Франции (подчеркнуто автором. М. П.), нельзя рассчитывать на мобилизацию пригодного населения, но лишь на призыв тех, кто готов добровольно выступить на защиту данного дела» [1]. Другими словами: независимо от того, какой величины армию потребует будущая война, приспособляйтесь, господа империалисты, к небольшой, классово-отобранной армии, ибо большего вы не получите, народ на войну не поднимете, а если и поднимите, то на свою собственную голову.

О классовом отборе армии Зольдан говорит почти совершенно открыто: «Современная война требует ставки на лучшие элементы страны... военное руководство войной будущего будет принадлежать благороднейшим представителям нации, ее «гвардии», причем мы сознательно выбрали это слово, как эмблему высшей человеческой самоотверженности» [2].

«Лучшие элементы страны», «благороднейшие представители нации», — все это, конечно, не черномазые рабочие и серые мужики, а представители господствующих классов и их верные слуги.

Верховский тоже говорит о «небольшой армии «рыцарей», которую можно построить по классовому признаку». Верховский тоже, как и его единомышленники (вернее, пленители) за рубежом, не верит в возможность поднять миллионные массы на войну и владеть ими на полях современного сражения. Только Фуллер, Зольдан и

---

[1] Цитируемая фраза принадлежит Шпенглеру, которого, соглашаясь с ним, цитирует Г. Зольдан в своей работе «Человек и битва будущего».

[2] Г. Зольдан, Человек и битва будущего, стр. 83.

многие другие не верят в способность империалистов справиться с многомиллионной вооруженной массой, а Верховский не верит в нашу способность мобилизовать миллионы трудящихся для обороны Советского Союза и повести эти миллионы в бой, требующий больших жертв и колоссального напряжения, выносливости, огромной воли масс к борьбе и победе. На эту тему мы дискутировать с Верховским, конечно, не станем. Для нас достаточно было выяснить источники этого, по нашему убеждению, глубоко ложного и практически вредного взгляда, что будущая война будет нуждаться лишь в небольшой армии, состоящей из избранных представителей общества.

Во всех наших рассуждениях о численности армий военного времени и влиянии военной техники на величину армии мы имели в виду войну между технически приблизительно одинаково мощными государствами. Естественно, вся картина и все зависимости резко меняются в условиях войны между, с одной стороны, государством или группой государств, находящихся на уровне наиболее передовой современной техники и, с другой стороны, технически отсталым государством. В этих условиях техника действительно вытесняет живую силу из армии. Для войны с Китаем империалистам отнюдь не требовалось многомиллионной армии, ибо вооруженные танками, броневиками, аэропланами, достаточно насыщенные артиллерией и пулеметами, при поддержке крейсеров и дредноутов, даже немногочисленные войска империалистических государств легко могут справиться с китайскими войсками, превосходящими их во много раз численностью, но бедными вооружением. Для борьбы с национальным движением в Сирии и Марокко французам отнюдь не требуется посылать в эти страны многочисленной армии, равной по величине численности борющихся за национальное освобождение инсургентов, так как с ними сравнительно легко может

справиться и небольшая, но вооруженная современным оружием армия.

Эпоха империализма характеризуется огромным развитием мировых хозяйственных связей, колоссальным сцеплением и переплетением экономических и политических интересов крупнейших империалистических государств, за каждым из которых тянется хвост зависимых от него малых государств. В силу этих обстоятельств конфликты между крупнейшими империалистическими государствами неизбежно выливаются в м и р о в ы е войны, войны больших коалиций. Что касается империалистической войны против СССР, то и она мыслится только как война империалистической к о а л и ц и и против СССР, коалиции, в той или иной форме включающей в свой состав крупнейшие империалистические державы (вернее: явно или скрыто руководимой одним или группой крупнейших империалистических государств).

Мировой характер будущей войны, в том числе и войны против СССР, приводит нас — на основании данного выше анализа — к выводу, что в будущей войне мы будем иметь дело с многомиллионной армией. Будет ли эта армия в каждом из воюющих государств несколько меньше или больше, чем в империалистическую войну — этого заранее сказать нельзя, ибо, как уже было сказано, невозможно учесть всей обстановки будущей войны. Одно бесспорно: мы должны быть готовы к тому, что война потребует от нас призыва в армию миллионных масс, а это налагает на нас обязанность соответствующими мероприятиями мирного времени обеспечить этот призыв и боевое использование призванных в ряды армии миллионов рабочих и крестьян.

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ.

★

Современная промышленность обладает способностью в широких размерах переключаться с рельс мирного производства на рельсы производства оружия, амуниции и прочих продуктов, необходимых для ведения войны. В силу этого производство орудий войны достигает в военное время гигантских размеров, далеко превосходящих размеры соответствующего производства в мирное время.

Достаточно указать лишь несколько наиболее характерных данных:

1. Производство винтовок в России в августе 1914 г. составляло 5 965 шт., а в январе 1917 г. — 130 000, т.-е. месячная производительность винтовок увеличилась приблизительно в 22 раза.

2. «Италия, успевшая частично провести экономическую мобилизацию до своего запоздалого вступления в войну, все же в течение самой войны увеличила производство снарядов в 9 раз (с 5 до 45 тысяч снарядов в день), производство ружей — в 5½ раз (с 600 до 3 000), пулеметов — в 40 раз (с 1 до 40 в день)» [1].

3. Англия в начале войны производила в среднем 39 аэропланов в месяц, а в 1918 г. уже 273 аэроплана, т.-е. в 7 раз больше.

Эта способность промышленности во много раз увеличить производство орудий войны в течение самой войны в соединении с большой пропускной способностью транс-

[1] О. А. Свечин, Стратегия. Второе изд., «Военный Вестник» 1927, стр. 63.

порта допускает не только формирование большой армии, но и систематическое питание ее как всеми необходимыми ей для ведения войны материальными средствами, так и новыми людскими массами, для замещения потерь действующих армий, а нередко даже для увеличения их численности. Так, например, во время империалистической войны все ее участники имели возможность рядом последовательных мобилизаций постоянно покрывать потери на фронте и даже увеличивать численность своих вооруженных сил. Общее количество мобилизованных за время империалистической войны и даже наивысшая численность вооруженных сил почти всех ее участников значительно превосходили число призванных по первой мобилизации 1914 г. Это можно установить из следующей таблицы:

Страны	Призвано по первой мобилизации 1914 г., включая мирный состав	Мобилизовано за все время войны	Наивысшая численность армии
	в тысячах		
Россия	5 338	18 000	6 700
Франция	3 731	8 407	3 781
Великобритания	658	8 654	5 336
Германия	3 840	11 000	4 940
Австро-Венгрия	2 500	9 000	2 500

Это обстоятельство — большая возможность новых формирований во время самой войны — делает современные армии весьма живучими. Пока работают в тылу заводы, пока работает транспорт, даже самые жестокие поражения на фронте не могут привести к капитуляции, ибо на месте разбитых армий, на новой линии вырастают новые досталочно хорошо (нередко лучше прежних) вооруженные армии. Германская армия нано-

сила много жестоких поражений русской и французской армиям, русские не менее жестоко били австрийцев, и все же ни одна из этих побед, связанных с огромными территориальными завоеваниями, не могла окончательно вывести из строя потерпевшего поражение противника, ибо работа промышленности и транспорта позволяла ему выставить на фронт новые корпуса или новые десятки и сотни тысяч вооруженных солдат, сопровождаемых новыми тысячами пушек и миллионами снарядов.

Эта живучесть вооруженного фронта делает невозможной быструю победу одним ударом или рядом быстро следующих один за другим ударов. Здесь кроется одна из коренных причин затяжного характера империалистической войны 1914—18 гг. С аналогичным явлением мы столкнемся и в будущей войне, поскольку современная экономика не в меньшей степени, чем в эпоху империалистической войны, способствует быстрому восстановлению вооруженного фронта.

Наряду с способностью современной экономики сравнительно быстро восстанавливать вооруженный фронт — на продолжительность войны оказывает большое влияние и то обстоятельство, что в наше время ни одно из воюющих государств не в состоянии мобилизовать всех ресурсов страны в самом же начале войны, что для мобилизации всех этих ресурсов требуется более или менее продолжительный срок.

Мобилизация этих ресурсов и не потребовалась бы, если бы можно было завершить войну при помощи тех запасов материального снабжения армии, которые могут быть накоплены в мирное время. Участники империалистической войны так и полагали. Они считали, что накопленных ими запасов совершенно достаточно для победоносного завершения войны, которая по их расчетам могла быть лишь весьма непродолжительной. Насколько эти расчеты, не только в отношении продолжительности войны, но и в отношении расхода боеприпасов,

оказались далеки от действительности, не трудно установить из сопоставления следующих данных.

Запасы России и Франции накануне войны составляли:

	снарядов	патронов
Россия	7 млн.	2 360 млн.
Франция	5 „	1 338 „

В то же время, только за 16 дней в боях под Верденом французская артиллерия израсходовала 10 640 тысяч легких снарядов, т.-е. в 2 раза больше, чем весь ее запас снарядов. В бою у С.-Михеля в 1918 г. американцы в течение четырех часов выпустили 1 093 217 снарядов. Ежемесячная потребность в снарядах русской армии в 1917 г. определялась в 2,4 млн. А весь расход снарядов на западном фронте со стороны Англии и Франции выразился (в тоннах): за 1914 г. — 692 100 тыс., за 1917 г. — 1 774 600 тыс., за 1918 г. — 1 625 000 тыс. Одна только Франция за все время войны израсходовала 350 млн. снарядов.

Наличных запасов снарядов и патронов хватило всем участникам войны только на первые месяцы ее. При этом норма потребления в эти месяцы была гораздо ниже, чем в последующее время войны.

Конечно, запасы могут быть значительно увеличены по сравнению с теми, которые были накануне империалистической войны у участников ее. Но они не могут быть доведены до таких размеров, которые позволили бы в самом начале войны использовать все людские ресурсы страны (для различных крупных государств от 10 до 30 миллионов). Никакой хозяйственный организм, никакое напряжение государственного бюджета не могут обеспечить таких запасов. Всякие потуги в этом направлении были бы и с экономической, и с военной точки зрения просто нецелесообразны. Обеспечить всей войны они все равно не смогут, но смогут значительно задержать развитие производительных сил

и тем самым понизить потенциальные возможности развертывания военного производства во время войны. Помимо этого, нецелесообразность накопления больших запасов в мирное время обусловливается быстрым развитием военной техники. Почти каждый год дает нам новый, более совершенный тип аэроплана, мотора, танков. Быстро движется вперед развитие артиллерии, автоматического ружья и пр. То, что будет накоплено в мирное время, может уже задолго до начала войны оказаться совершенно устаревшим и, в значительной степени, непригодным.

Таким образом, снабжение армии в нынешнюю эпоху никак не может базироваться на запасах мирного времени. Базою для снабжения армии во время войны является промышленность и сельское хозяйство страны (если это снабжение базируется на внутренних ресурсах). При этом имеется в виду, конечно, вся промышленность, а не только военная.

Современная промышленность, как уже говорилось, обладает способностью переключаться на рельсы военного производства. Отсюда отнюдь не следует, что это переключение может быть произведено в любой момент, в любой срок. Наоборот, каждому понятно, что для перехода от производства табачных или ткацких станков, электромоторов, генераторов, драг, пожарных машин, гвоздей и пр. к производству снарядов, пуль, гильз, танков, автоматических ружей и других орудий войны требуется определенный, подчас довольно продолжительный, срок. При этом, одним предприятиям требуется для перехода к производству оружия или вообще предметов военного снаряжения один срок, другим — совершенно другой. Одни предприятия могут мобилизоваться, примерно, через месяц, другие — лишь через год.

Интересно проследить, как происходил процесс мобилизации промышленности и перехода ее на военное производство во время империалистической войны.

Следующая таблица дает нам представление о движении производства предметов вооружения и снаряжения в России с 1914 по 1916 г.

Годовая выработка в миллионах рублей по ценам 1913 г.

	1914 г.		1915 г.		1916 г.		
	Абсолютная	В % к прошлому году	Абсолютная	В % к прошлому году	Абсолютная	В % к прошлому году	В % к 1914 г.
Производство предметов вооружен.	558,2	115	1087,9	195	1448,1	133	260
Производство снаряжения	57,9	108	66,3	115	64,9	96,5	112
Итого . .	616,1	114,6	1154,2	187	1513,0	131	245,5

Из этой таблицы мы видим, что в 1914 г. Россия смогла лишь незначительно увеличить производство вооружения и снаряжения по сравнению с мирным 1913 г. В течение 1915 г. производство этих продуктов удваивается, а в 1916 г. в 2½ раза превышает уровень 1914 г.

В Англии в первый год войны производилось в среднем 100 пушек и 200 тыс. снарядов в месяц, а в 1918 г. производство было доведено до 550 пушек и 6 миллионов снарядов в месяц (в среднем).

Еще более рельефное представление о нарастающей мобилизации промышленности в Англии дают следующие данные, сообщенные Г. Шигалиным в его работе «Подготовка промышленности к войне»: «Под контролем правительства числилось уже к 6 декабря 1915 г. — 2 026, а к 1 августа 1916 года, т.-е. к началу третьего года войны — 4 052 промышленных предприятия . . . К концу 1917 года количество предприятий, подчиненных государственному контролю, работающих на оборону, до-

стигло колоссальной цифры — 20 000, с количеством рабочих в 2 миллиона человек»[1].

Аналогичные данные можно привести в отношении любого другого участника войны.

Опыт империалистической войны показывает, что на мобилизацию промышленности, на приспособление ее к нуждам войны требуется довольно продолжительный срок. Лишь к концу 1916 г., т.-е. спустя более чем 2 года после начала войны, большинству участников войны удалось мобилизовать свою промышленность. Хотя, как видно из приведенных выше данных, процесс мобилизации промышленности продолжался еще и в 1917 г., отчасти даже и в 1918 г.

При исследовании опыта мобилизации промышленности во время империалистической войны следует иметь в виду, что ни одно государство не предвидело необходимости этой мобилизации, а поэтому никакой подготовки к этой, весьма сложной, операции не было проведено заблаговременно, в мирное время. Кроме того, до империалистической войны в истории не было подобных прецедентов, не было никакого опыта мобилизации промышленности. При этих обстоятельствах мобилизация промышленности не могла не проходить крайне медленно, значительно медленней, чем это было бы возможно в соответствии с уровнем ее развития.

В настоящее время всеми государствами тщательно изучается опыт промышленной мобилизации во время империалистической войны, ведется усиленная подготовка, разрабатываются организационные и технические планы этой мобилизации на случай новой войны: В Соединенных штатах даже проводились специальные пробные мобилизации промышленности, охватившие всю их основную промышленность САСШ. Все эти об-

---

[1] Г. Шигалин, Подготовка промышленности к войне. ГИЗ 1928, стр. 96—97.

стоятельства, а также возросшая, по сравнению с довоенным периодом, централизация промышленности несомненно приведут к значительному ускорению промышленной мобилизации. Однако, рассчитывать на возможность мобилизации и, главное, развертывание всей промышленности сразу же, в самом начале войны, все же не приходится, ибо это технически невозможно и экономически не может быть обеспечено. Даже прекрасно подготовленный в мирное время переход промышленности от мирного производства к производству предметов вооружения и военного снаряжения потребует для полного своего разрешения довольно значительного времени.

К тому же следует принять во внимание, что производство оружия и снаряжения базировалось во время империалистической войны не только на старом производственном аппарате промышленности, но и на значительном дополнении к нему в виде новых капитальных вложений на переоборудование и дооборудование старых заводов, а также строительство новых. Вот некоторые данные о вложении новых капиталов в русскую промышленность: 39 крупных металлозаводов, работавших на оборону, вложили во время войны на дооборудование 130 млн. рублей золотом, по отдельным из этих заводов новые капиталовложения доходили до 14 и даже 17 млн. руб. По средней промышленности вложено новых 50 млн. руб. Учредительный капитал 132 акционерных обществ, открытых в России в 1915 г., составлял 184 781 тыс. руб., из них 71 общество с капиталом в 114 262 тыс. было открыто с целью эксплоатации ранее существовавших предприятий, а 61 общество с капиталом в 70 519 тыс. руб. открыло совершенно новые предприятия. В 1916 г. вновь открыто 103 компании с основным капиталом в 140 883 тыс. руб. и, кроме того, к ранее существовавшим предприятиям присоединено 240 432,5 тыс. руб. В Англии за время войны «были созданы сотни новых предприятий, в числе коих вновь

были организованы около 50 только химических фабрик»[1].

Если переход промышленности с «мирного» производства на военное требует довольно значительного времени, то еще большего времени требует расширение старых и строительство новых предприятий, которые вызываются к жизни потребностями войны.

По мере того, как в производство оружия и прочих материальных элементов войны вовлекаются все новые предприятия, силы каждой воюющей стороны, несмотря на значительные потери, а нередко и поражения действующих армий, растут. Лишь с завершением мобилизации промышленности эти силы могут достичь максимально возможных для данной страны размеров. «Начало войны, — как справедливо замечает А. Свечин, — не является в наше время кульминационным пунктом стратегического напряжения». Этот кульминационный пункт достигается лишь тогда, когда все экономические ресурсы страны поставлены на службу войне. А это обстоятельство в силу того, что мобилизация экономических ресурсов требует более или менее длительного времени, способствует затяжному характеру войны.

Затяжному характеру войны способствует и большая тяжеловесность современных армий, большая зависимость их от нормальной работы тыла, особенно транспорта. Для снабжения фронта требуется ежедневно примерно 100—200 поездов. Артиллерийское снабжение одной армии требует в день от 30 до 80 (при прорыве укрепленной позиции) поездов. Кроме того, для замещения потерь в людях и маневренных перевозок войск требуются сотни поездов ежедневно (по крайней мере в периоды большого напряжения на фронте). Прервите

---

[1] Шигалин, Подготовка промышленности к войне. ГИЗ 1928 г., стр. 97.

на пару дней весь этот поток поездов к фронту, и вы вынуждены будете, если не откатываться поспешно назад, поближе к снабжающим вас базам, то, по крайней мере, приостановить свое движение вперед.

Всякое наступление означает удаление от снабжающих баз и тем самым растягивает гармонику тыла и затрудняет снабжение действующей армии. Всякое отступление, наоборот, приближает войска к снабжающим их базам и тем облегчает их снабжение. Уже одно это обстоятельство создает известные преимущества отступающей армии перед наступающей в таком важном для боеспособности армии деле, как регулярное снабжение ее.

Кроме того — и это самое главное — отступающий противник обычно разрушает все дороги и уничтожает или эвакуирует все ценное для армии (промышленные предприятия, местный транспорт, продовольственный и рабочий скот и т. п.). Нетрудно себе представить, насколько все это задерживает наступающую армию, особенно — разрушаемые дороги и мосты. Пока эти дороги не будут восстановлены, все эти сотни идущих к фронту поездов вынуждены будут останавливаться далеко в тылу действующих частей, тем самым не только весьма затруднится, но и на много понизится снабжение армии боеприпасами и продуктами питания, что, в свою очередь, резко понизит наступательные возможности этой армии.

Хотя техника восстановления дорог и мостов достигла довольно высокого уровня и уже во время империалистической войны небольшие мосты восстанавливались немцами в несколько дней, а довольно значительные — в несколько недель, все же восстановление дорог и мостов на всем пути отступления противника потребует довольно значительного времени. Очень часто, если не в большинстве случаев, наступающим армиям именно из-за невозможности подвоза необходимых им огнеприпасов и

продовольствия, вследствие разрушенности дорог, придется приостанавливать свое наступление в ожидании восстановления дорог, или вышедший на новую линию противник заставит оторвавшиеся от снабжающих баз наступающие армии остановиться.

Пока будут восстанавливаться пути подвоза для наступающей армии, отступающий противник может значительно укрепиться новыми свежими силами, которые могут позволить ему перейти в контрнаступление, или по меньшей мере сильно укрепить в инженерном отношении занятые им позиции и тем самым создать новые большие препятствия для наступающих.

Вот это обстоятельство, которое А. Свечин называет «недальнобойностью современных операций», также препятствует быстрому завершению войны, быстрому разгрому противника.

До сих пор мы рассматривали влияние объективных — экономических и материальных — факторов на продолжительность войны. Но ведь в современную войну втягиваются столь значительные массы населения, в качестве ли непосредственно вооруженной силы или обслуживающих фронт, и война вносит столь резкое ухудшение в материальном благосостоянии народных масс, особенно трудящихся, что воля широчайших народных масс к войне становится одним из решающих факторов ее исхода и продолжительности. Уже империалистическая война 1914—18 гг. завершилась отнюдь не разгромом вооруженной силы одной из участвовавших в войне сторон, а отказом народных масс и армии от продолжения войны.

Сначала, вследствие революционного отказа масс от продолжения войны, выбыла из числа участников войны Россия, затем те же причины вынудили и центральные державы отказаться от продолжения войны, что и привело к окончательному ее завершению. Но пока народы восстали против войны потребовалось в Рос-

сии — 3 года, а в Германии и Австро-Венгрии — свыше 4 лет.

Империалистическая война и последовавший за ней ряд революций в крупнейших государствах далеко двинули вперед революционизирование пролетариата и широких трудящихся масс. Наличие страны пролетарской диктатуры и громадные успехи по социалистической реконструкции всего народного хозяйства страны, обостряющиеся противоречия послевоенного империализма, шаткость и неустойчивость капиталистической стабилизации, все резче выступающая угроза новых войн, все большая неустойчивость экономического положения пролетариата и усиливающаяся хроническая безработица,— все эти обстоятельства еще больше революционизируют массы эксплоатируемых. Таким образом, в будущей войне, при наличии авангарда пролетариата—Коммунистического интернационала и сплоченных коммунистических партий, повидимому не потребуется столь длительного срока (3—4 года) для приведения масс в движение против войны, против капиталистического строя.

Империалистическая война против СССР с первых же дней своих будет войной между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом. Это обстоятельство само по себе должно будет вызвать обострение классовой борьбы внутри каждого из участвующих в войне государств. В империалистических государствах, которые выступят войной против нас, пролетариат может быстро притти к революционной борьбе против войны, защите СССР и превращению этой войны в гражданскую войну против своей собственной буржуазии. И, наоборот, контрреволюционная буржуазия и кулачество Советского Союза, при поддержке руководителей антисоветской империалистической коалиции и белогвардейской эмигрантщины, могут сделать попытки выступления с оружием в руках против про-

летарской диктатуры, чтобы тем самым осложнить нашу борьбу с вооруженной интервенцией.

Таким образом, обострение классовой борьбы и возможность революционного взрыва во время самой войны создают перспективу быстрой победы одной из сторон и быстрого завершения войны, особенно той войны, в которой придется участвовать Советскому Союзу. Эту перспективу быстрого завершения войны можно было бы считать для нас наиболее вероятной, если бы не приходилось считаться еще с одним, оказывающим большое влияние на продолжительность войны, обстоятельством.

Будущая война против Советского Союза будет классовой войной между империалистической буржуазией и пролетариатом. Однако, ни буржуазия, ни пролетариат, очевидно, не смогут в самом же начале войны мобилизовать всех своих сил. Руководящие империалистические державы попытаются, повидимому, избежать непосредственного, прямого, открытого участия в войне против СССР, дабы не втягивать трудящихся своей страны в эту войну и иметь возможность демонстрировать перед массами свою «мирную» политику. Поэтому следует ожидать, что непосредственно против СССР выступит лишь группа малых государств, организованных Лигой Наций или другим империалистическим центром в антисоветскую коалицию.

Вполне вероятным является такое обострение классовой борьбы в государствах антисоветской коалиции (чему значительно могут способствовать первые победы Красной армии), которое приведет к быстрому разгрому этой коалиции. Однако, трудно рассчитывать, что на этом война может быть закончена. Империалисты попытаются втянуть в войну новые силы, новые государства. Если провалится военный поход против СССР при помощи малых, зависимых от империалистических центров (Англии, Франции и др.), государств, то за коалицией малых выступит коалиция «великих» держав.

Разгромив одного врага, аванпост империализма, Красная армия вынуждена будет перейти к борьбе с главными его силами. Разгромив коалицию малых, Красная армия вынуждена будет перейти к борьбе с коалицией «великих» держав.

Конечно, обстоятельства могут сложиться таким образом, что руководящие империалистические державы не смогут непосредственно, своими вооруженными силами, выступить войной против СССР. Но перспектива войны с «нарастающей коалицией» является для нас наиболее вероятной перспективой войны, ибо она вытекает из классовой природы будущей войны против СССР. А такая война, в которую будут втягиваться против нас все новые и новые силы, никак уж не может быть кратковременной.

Таким образом, всестороннее исследование вопроса о продолжительности будущей войны против СССР приводит нас к выводу, что, хотя и не исключен быстрый исход ее, гораздо более вероятной является перспектива длительной, затяжной войны.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВОЙНА.

★

Война производит чрезвычайно глубокие изменения во всей народно-хозяйственной жизни, резко нарушая установившиеся в мирное время соотношения отдельных элементов ее.

Постараемся хотя бы в общих чертах охарактеризовать главнейшие линии влияния войны на народное хозяйство.

Современная война, поскольку она мыслится как мировая война, связана, прежде всего, с резким нарушением народно-хозяйственных связей, которые в нынешнюю эпоху далеко зашедшего международного разделения труда занимают чрезвычайно большое место, как в системе мирового хозяйства, так и особенно в системе «национального» хозяйства. Мировой внешне-торговый оборот, в котором получают свое выражение международно-хозяйственные связи, составлял за последние 2 года (по 35 странам) 211—225 миллиардов марок в год. Причем в крупнейших странах, взятых в отдельности, оборот внешней торговли, исчисленный в рублях, в 1927 г. составлял (в миллионах рублей):

	Англия	Франция	Германия	САСШ	СССР (1927/28 г.)
Ввоз	12 000	4 752	7 200	8 400	945
Вывоз	7 000	4 968	5 100	9 800	774
Весь оборот	19 000	9 720	12 300	18 200	1 719

Нетрудно себе представить, каким ударом для народного хозяйства этих стран должно явиться прекращение или даже сколько-нибудь значительное сокращение внешнеторговых связей в случае войны. Полное прекращение внешней торговли для большинства промышленных стран даже не мыслится, ибо оно означало бы чрезвычайно быстрое крушение всего народно-хозяйственного организма и доведенный до крайних пределов голод, что неминуемо должно повлечь за собою либо столь же быстрый отказ от войны на любых условиях, продиктованных противником, либо крах всей государственной системы (революционное завершение войны). Нельзя поэтому даже представить себе, что современное промышленное государство, питающееся сырьем и продовольствием извне и производящее значительную часть своей продукции на внешний рынок, может втянуться в войну, не обеспечив себе хотя бы минимальные внешнеторговые связи во время самой войны.

Империалистическая война 1914—18 гг. могла продолжаться свыше 4 лет лишь потому, что ни одна из участвовавших в войне сторон не могла полностью прекратить доступ товаров с внешнего рынка в государства противной стороны. Все же международно-хозяйственные связи во время империалистической войны были значительно нарушены: внешняя торговля всех участников войны (исключая, конечно, САСШ, которые занимали совершенно особое место в войне и поэтому вообще не могут служить примером влияния войны на народное хозяйство) резко сократилась, также резко изменилось соотношение между ввозом и вывозом этих стран, значительно изменился контингент предметов экспорта и импорта.

Следующая таблица дает нам представление о динамике внешней торговли основных участников империалистической войны во время этой войны.

Внешняя торговля по ценам 1913 г.

	1913 г.	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.		1918 г.	
		Абсолютная	В проц. к 1913 г.	Абсолютная	В проц. к 1913 г.	Абсолютная	В проц. к 1913 г.	Абсолютная	В проц. к 1913 г.	Абсолютная	В проц. к 1913 г.
Англия	(в млн. фунт. стерлингов)										
Ввоз	659,2	601,2	91	592	90	532	81	482,7	70	568	86
Вывоз	525,3	430,7	82	303	60	316	60	266,0	50	222	42
Весь оборот	1 184,5	1 031,9	90	895	75	848	71	73,87	62,3	790	66,7
Франция	(в млрд. франков)										
Ввоз	8,4	6,2	68	7,9	94	10,9	130	10,5	125	6,6	78,3
Вывоз	6,9	4,7	74	2,8	40,6	3,3	48	2,3	34	1,3	19
Весь оборот	15,3	10,9	70	10,7	69	14,2	93	12,8	83	7,9	51,3
Россия	(в млн. рублей)										
Ввоз	3 640	2 927	80,5	3 035	83,4	3 729	102,4	3,663	100,7	—	—
Вывоз	4 053	2 549	60,7	1 072	26,7	1 236	31	1 236	30,5	—	—
Весь оборот	7 693	5 476	71	4 106	53,4	4 998	65	4 899	63	—	—
Германия	(в млрд. марок)										
Ввоз	10,77	8,51	80	5,94	55	6,45	60	4,18	39	4,20	40
Вывоз	10,10	7,45	73,7	2,54	25,3	2,94	29	2,03	20	2,78	27,5
Весь оборот	20,87	15,96	76,5	8,48	40,4	9,39	45	6,21	30	6,98	33,4

В этой таблице бросается в глаза, помимо общего понижения внешней торговли, значительное различие в степени этого понижения в странах Антанты, с одной стороны, и в Германии, с другой. В то время как в Германии весь внешне-торговый оборот в 1917 и 1918 гг. составлял всего $^1/_3$ довоенного, в странах Антанты в эти же годы он составлял, примерно, $^2/_3$. Здесь сказалось господство Антанты на морях, которое обеспечило государствам Антанты минимальный уровень внешне-торговых связей и закрыло доступ товарному потоку из заокеанских стран в Германию. И в будущих войнах командующие на морях государства окажутся несравненно в более благоприятных условиях в отношении внешне-торговых связей.

Далее бросается в глаза резкое снижение вывоза из всех перечисленных в таблице стран при значительно меньшем падении ввоза в них. Ввоз во Францию и Россию временами (в 1916 и 1917 гг.) даже превышал довоенный уровень. Этот столь резко выраженный пассивный торговый баланс, когда импорт покрывался экспортом нередко всего на 25—30%, мог иметь место в течение 4 лет войны лишь благодаря тому, что он был обеспечен соответствующими кредитами со стороны экспортировавших свои товары в Европу стран. Никакого золотого запаса не могло бы хватить для покрытия образовавшегося в течение 4 лет войны дефицита в торговом балансе, который (дефицит) составил: в Англии — 1 248,2 млн. фн. ст., во Франции — 27,7 млрд. франк., в России — 7,2 млрд. руб., в Германии — 11,6 млрд. марок. И в действительности мы знаем, что в результате войны резко вырос внешний государственный долг всех участников войны (кроме Соединенных штатов) при одновременном и значительном сокращении их золотого запаса.

Советский Союз, как видно из приведенной нами таблицы о размерах внешней торговли в 1927 г., занимает

весьма скромное место в мировом торговом обороте (ок. 1,5%). Однако, нарушение внешне-торговых связей во время войны в отношении нашего Союза будет гораздо значительней, чем в отношении империалистических держав. В случае войны следует ожидать полного закрытия нашей морской и всей западной, а возможно и восточной, сухопутной границы. Если бы даже восточная граница осталась у нас открытой, наше положение все же было бы довольно тяжелым, так как торговля по азиатской границе составляет всего 15—18% внешнеторгового оборота СССР и при максимальном своем увеличении лишь в очень незначительной мере может заместить торговлю по европейской границе. К тому же обусловленное войной значительное сокращение наших экспортных возможностей при полном отсутствии внешних кредитов, с своей стороны, неизбежно повлечет за собой резкое понижение ввоза в СССР.

Резкое понижение ввоза в СССР, вследствие сокращения наших экспортных возможностей и, в особенности, вследствие экономической блокады, которая неизбежно будет сопутствовать войне против Советского Союза, может вызвать у нас большие хозяйственные затруднения, если в мирное время не будут проведены необходимые подготовительные мероприятия, заключающиеся в возможно более быстром темпе индустриализации нашей страны и все большем высвобождении от экономической зависимости от мирового рынка. Эти мероприятия не смогут, конечно, устранить всех затруднений, которые будут вызваны разрывом внешне-торговых связей, но эти затруднения могут и должны быть сведены к минимуму.

Особенно тяжело придется нашей текстильной и резиновой промышленности, которые больше других отраслей промышленности зависят от импортного сырья. О ввозе фабрично-заводского оборудования, очевидно, и говорить не придется.

Гораздо более сложные проблемы будут поставлены перед нашим народным хозяйством требованиями к нему со стороны вооруженного фронта. Приведенный нами цифровой материал уже дает некоторое представление о том, в какой степени возросло во время империалистической войны производство орудий войны. Для полноты картины тех требований, которые вооруженный фронт предъявлял к народному хозяйству, необходимо привести ряд дополнительных данных.

Тов. П. Шаров в уже упомянутой нами работе приводит чрезвычайно характерную таблицу, в которой сопоставляются предположительный (по мобилизационному плану) и действительный (в силу требований вооруженного фронта) объем производства артиллерийского имущества во Франции:

75-мм снаряды.	
Суточное производство по мобилизационному плану . .	14 000
Достигнутый максимум	226 002
Общее количество, изготовленное за время войны . . .	208 749 800
55-мм снаряды.	
Суточное производство по мобилизационному плану . .	465
Достигнутый максимум	51 750
Общее количество, изготовленное за время войны . . .	31 749 800
Пехотные патроны.	
Суточное производство по мобилизационному плану . .	2 600 000
Достигнутый максимум	7 000 000
Общее количество, изготовленное за время войны . . .	6 300 000 000

Еще более интересные сведения имеются о России. Одно только боевое снабжение фронта поглощало 50—60% производства черной металлургии в России. По данным особого совещания по обороне [1], к концу 1916 г. из общего числа 2 234 334 рабочих фабрично-за-

[1] Россия в мировой войне 1914—18 гг. (в цифрах). ЦСУ, М. 1925 г.

водской промышленности 1 636 947, или 73,5%, работало исключительно на оборону. Стоимость имущества, израсходованного только русской армией за время империалистической войны, составляла:

Наименование имущества	Стоимость в рублях по ценам 1916 г.
Военно-техническое имущество	2 173 396 000
Интендантское „	5 844 585 000
Артиллерийское „	13 332 251 000
Всего	21 350 232 000

По исчислениям Прокоповича весь национальный доход России за 3 года войны составил 41,9 млрд. руб. Таким образом, одно только снабжение фронта поглотило свыше половины национального дохода России. Учитывая даже разницу между ценами 1916 г. и довоенными, мы все же вынуждены будем констатировать, что стоимость имущества, израсходованного русской армией за время войны, составляла около половины национального дохода за этот период.

Если к этому присоединить работу транспорта по обслуживанию вооруженного фронта (соответствующие данные нами уже приведены), то станет совершенно ясным, какие гигантские требования предъявляет вооруженный фронт в современной войне к народному хозяйству страны. Все, что страна в состоянии дать, буквально пожирается вооруженным фронтом. причем это «все» выходит далеко за пределы того, что страна может дать при нормальном для нее использовании рабочей силы, при нормальной эксплоатации накопленных богатств (основного капитала), при нормальном потреблении широких слоев населения.

Война означает колоссальное истребление народного богатства не только в смысле непроизводительного использования огромной, наиболее производительной части населения и большей части производственного аппарата страны, но и с точки зрения тех непосредственных разрушений, которые вызываются войной, в особенности современной войной.

Так, например, потери в коммерческом флоте от германских подводных лодок составляли только в 1917 году и 1918 году 9 645 000 тонн водоизмещения. Особенно больших размеров достигло разрушение во время империалистической войны на западном фронте. «За весь период войны во Франции было разрушено 3 256 городов и селений, 313 000 домов разрушено совсем и 313 000 полуразрушенных; 20 крупных заводов, 7 985 км. железных дорог, 4 875 мостов, 12 тоннелей . . .» [1]

В империалистическую войну непосредственные разрушения имели место почти только на театре военных действий и лишь в незначительной мере — за пределами вооруженного фронта. В будущей войне, поскольку авиация в ней займет значительно большее место, чем в войну 1914—18 гг., следует предвидеть значительно большие разрушения в глубоком тылу действующих армий.

Все железные дороги, в особенности железнодорожные узлы и мосты, все промышленные предприятия и крупные населенные пункты в 100—200-километровой полосе от фронта (а может быть, и в еще большей полосе) будут подвергаться постоянной угрозе нападения с воздуха. Даже самая совершенная организация противовоздушной обороны не может дать гарантии полной безопасности от воздушного нападения и, следовательно, от разрушений с воздуха.

---

[1] Шаров, Влияние экономики на исход мировой войны, стр. 15. ГИЗ 1928 г.

Огромное напряжение производственного аппарата страны для обеспечения требований вооруженного фронта при отсутствии нормального восстановления быстро изнашивающегося оборудования и в соединении с непосредственными разрушениями войны вызывает уничтожение огромной части накопленных в стране богатств. М. В. Фрунзе в своей статье «Мировая война в итогах и цифрах» приводит следующую весьма интересную таблицу, показывающую изменения в национальном богатстве основных участников империалистической войны за время этой войны:

Наименование государства	Размер государственных богатств в 1914 г.	То же в 1919 г.	Уменьшение богатства
	В миллиардах золотых марок		
I. *Государства Антанты:*			
Россия	250	100	150
Франция	260	180	80
Великобритания	325	275	50
Соединенные Штаты . .	850	1 200	Увеличилось на 350
Италия	100	80	20
II. *Центральные державы:*			
Германия	375	250	125
Австро-Венгрия	170	100	70

Из этой таблицы видно, что даже в Великобритании, на территории которой не было военных действий, народное богатство сократилось на 50 млрд. марок, или на 15,5%. Что же касается государств, на территории которых происходили военные действия, или хозяйство которых было подвергнуто особенно большому напряжению, то их национальное богатство сократилось на 20—40%! В России национальное богатство сократи-

лось даже на 60 %, но мы ее исключаем, поскольку приходится принимать во внимание дополнительные разрушения, вызванные гражданской войной (ведь данные относятся к 1919 г.).

Этот процесс разрушения народного хозяйства во время войны следующим образом охарактеризован Н. Бухариным в его работе «Экономика переходного периода»:

«Армия, которая предъявляет колоссальный спрос, т.-е. требует своего содержания, никакого трудового эквивалента не дает. Следовательно, она не только не производит, но и отнимает (подчеркнуто, как и в дальнейшем, автором. М. П.), другими словами здесь получается двойной вычет из фонда воспроизводства. Это обстоятельство является самым важным разрушительным фактором. Кроме него, необходимо отметить непосредственно военные разрушения (взорванные пути, сгоревшие города и т. д.), а также ряд косвенных разрушений (дисквалификация рабочей силы и пр.). Таким образом, ясно, что реальный базис общественного производства с каждым оборотом общественного капитала суживается. Мы имеем здесь не расширенное воспроизводство и даже не простое воспроизводство: мы имеем здесь все растущее недопроизводство. Такой процесс можно обозначить как расширенно-отрицательное воспроизводство.

Это и есть война, рассматриваемая с экономической точки зрения».

Достигающее столь высоких размеров непроизводительное использование рабочей силы и накопленных богатств страны не может не получить своего отражения в соответствующем росте непроизводительных расходов, идущих на снабжение и содержание армии, на содержание раненых, больниц и инвалидов войны, на поддержку семейств призванных, на покрытие военных долгов и т. д., и т. п.

О росте военных расходов основных участников империалистической войны дает достаточное представление следующая таблица:

Военные расходы.

	1913 г. (1913—14 г.)	1914 г. (1914—15 г.)	1915 г. (1915—16 г.)	1916 г. (1916—17 г.	1917 г. (1917—18 г.)	1918 г. (1918—19 г.)
Англия в млн. фун. ст. . .	77,2	357	1399,65	1973,66	2402,8	2198
Франция в млрд. франк.	1,8	6,5	14,7	23,9	28,7	36,1
Италия в млрд. лир	1,04	2,14	8,34	13,88	17,85	17,6
Германия в млрд. марок	1,5	6,94	23,9	24,19	42,19	33,92
Россия в млрд. рублей . . .	0,8	2,45	15,32	15,32	25,2	—

В эту таблицу не включены расходы по государственному долгу, который в основном являлся военным долгом. Платежи по одним только военным долгам составили за время войны: в Англии — 553,6 млн. ф. ст., или 6,7% военных расходов; во Франции—11,3 млрд. франк., или 11% военных расходов.

Общая стоимость империалистической войны, по данным профессора Богарта, определяется — весьма приближенно — в 790 млрд. марок, а сумма прямых государственных расходов на ведение войны составляет, по вычислению Фиска, свыше 80 млрд. довоенных долларов, или несколько более 360 млрд. зол. марок. Для отдельных государств эти расходы составляли 40—50 и более процентов всего национального дохода за все годы войны.

Откуда же могли взяться средства для покрытия этих гигантски (в 20—30 раз) возросших, по сравнению с мирным временем, военных и всех связанных с войной расходов? Совершенно очевидно, что обыкновенные государственные доходы, среди которых основное место занимают налоги, сколько их не увеличивать, не могли настолько разбухнуть, чтобы покрыть все военные расходы. Это немыслимо тем более, что буржуазные правительства вынуждены во время войны с величайшей осторожностью подходить к дополнительному налоговому обременению трудящихся слоев населения, несмотря на все стремление переложить тягость войны именно на эти слои, так как это может отрицательно сказаться на их «патриотизме» и отношении к войне. Что же касается буржуазии, то для нее война — одно из лучших средств быстрой наживы, поэтому она не может позволить своему правительству слишком увеличить, ограничивающие эту наживу, подоходные и другие налоги на имущие слои населения.

Действительно, обыкновенные доходы, хотя и возросли во время войны в некоторых странах, но темп их роста и общая сумма далеко отстали от роста и суммы государственных расходов за это время. Нормальные доходы Англии до войны составляли 198,24 млн. ф. ст. в год. Уже в первый год войны они поднялись до 226,69 млн. ф. ст., а последний год — до 8889,02 млн. ф. ст., или в 4½ раза. И все же, несмотря на этот, довольно значительный, рост обыкновенных доходов, добавочная — по сравнению с мирным временем — часть их смогла покрыть всего 25% военных расходов.

А в других странах дело обстояло гораздо хуже. В Германии избыток обыкновенных доходов над нормальными довоенными покрыл всего 2% военных расходов. Во Франции, если исходить из номинальной суммы обыкновенных доходов, этот избыток покрыл 1% военных расходов. А при переводе всех государственных

доходов военного времени на доллары по ценам 1913 г.— во Франции, как и в России, обыкновенные доходы за время войны оказываются ниже нормальных довоенных. Этот дефицит в обыкновенных доходах за все время войны составлял: для Франции — 2 047 млн. долларов, для России — 2 678 млн. долларов.

Основное место в покрытии военных расходов, естественно, заняли чрезвычайные источники государственного дохода, главным образом займы. Так, например, Германия покрыла займами 40%, Англия и Россия — 70%, а Франция даже свыше 90% военных расходов.

Для нас особый интерес представляет вопрос о том, каких размеров достигли во время войны внешние займы. По имеющимся у нас данным, Англия реализовала во время войны на внешнем денежном рынке займов на сумму 1,36 млрд. ф. ст., или 20% всех военных займов. Франция — на 27,3 млрд. франк.[1], Россия — на 7 млрд. руб. Таким образом, внешние займы, хотя и составляли меньшую часть военных займов, все же занимали довольно значительное место в покрытии военных расходов. К тому же необходимо иметь в виду, что их значение определяется не столько их арифметическим выражением, сколько тем обстоятельством, что внешние кредиты давали возможность поддерживать импорт на довольно высоком уровне при чрезвычайно резко выраженном в течение нескольких лет подряд пассивном торговом балансе. А ведь именно возможности ввоза из-за границы предметов питания и вооружения в конечном счете решили исход войны. Внешние кредиты не являлись единственным лимитом импорта. Для центральных держав этот лимит был дан, прежде всего, могуществом английского морского флота. Но для государств Антанты, которые командовали на морях

[1] Эта сумма, в которую входит и текущий долг по военным поставкам, исчислена по золотому паритету, а не действительному курсу франка во время войны.

(кроме Балтийского), объем импорта определялся как раз внешними кредитами.

Даже столь широкое использование государственного кредита не могло довести всех доходов участвовавших в войне государств до уровня их расходов в военное время. Из года в год оставался огромный дефицит, который приходилось покрывать последним имеющимся в распоряжении государства средством — бумажно-денежной эмиссией. Для нас совершенно неважно, какие формы принимала эта эмиссия: выпуск ли кредитных билетов государственным казначейством, или выпуск банкнот эмиссионными банками под государственные обязательства на соответствующую сумму. И в том, и в другом случае мы имеем дело с огромным ростом бумажно-денежной массы в стране, который отнюдь не соответствовал росту товарной массы и потребностей народного хозяйства в средствах обращения.

Количество обращающихся банкнот увеличилось к концу 1918 г., по сравнению с 1913 г., в Англии — в 11 раз, во Франции — в 5,3 раза, в Италии — в 5 раз, в Германии — в 11,4 раза. Если же принять во внимание, что золото, а в значительной степени и серебро, было изъято во время войны из обращения, то рост количества обращающихся в стране денег окажется значительно меньшим, чем рост находящихся в обращении банкнот.

Так, например, общее количество обращающихся в стране денег за тот же срок возросло в Англии в 3½ раза, во Франции — менее, чем в 4 раза, в Германии — в 5 раз. Но и этот рост довольно велик и не мог не отразиться на покупательной способности денежной единицы, или, что то же, не мог не вызвать роста цен на все товары. Правда, инфляция не являлась единственной причиной роста товарных цен, но одной из основных причин она бесспорно была. Покупательная способность денежной единицы понизилась к концу

войны в различных странах в 3—4 раза и лишь в Англии и Германии, примерно, в 2 раза.

Помимо инфляции, росту дороговизны во время войны способствовало резкое сокращение на рынке предметов первой необходимости. Масса продовольственных продуктов сократилась, прежде всего, в промышленных странах, до войны импортировавших продукты сельского хозяйства, вследствие сокращения (особенно значительного в Германии) этого импорта. Помимо этого и внутреннее производство продуктов сельского хозяйства в этих странах значительно сократилось вследствие сокращения рабочей силы и невозможности обеспечения интенсивного сельского хозяйства (а таково оно во всех промышленных странах) машинным оборудованием и средствами удобрения.

Исключение составляет Англия, сельское хозяйство которой, в силу особых исторических условий своего развития, получило возможность некоторого расширения во время войны, главным образом, за счет увеличения посевных площадей.

Следующая таблица дает характеристику изменений в сельском хозяйстве трех главнейших стран Европы за время войны:

Посевы и сборы в 1914—18 гг.

в % к 1909—1913 гг.

	Пшеница, рожь, овес и ячмень		Картофель	
	Посевы	Сборы	Посевы	Сборы
Англия . . .	109,5	110	111	112,4
Франция . . .	77,8	68,9	85,9	70,8
Германия . .	93,3	74,6	90	82,7

Характерно отметить, что во Франции и Германии сборы упали больше, чем посевы, что указывает на прямой регресс в сельском хозяйстве.

И в аграрных странах с преобладанием экстенсивных форм сельского хозяйства продукция последнего значительно упала во время войны. Так, например в России продукция сельского хозяйства в 1917 г. составляла всего лишь 82% довоенной, т.-е. сократилась на 18%, что при расстройстве транспорта привело даже аграрную Россию к острым продовольственным затруднениям.

Кроме того, резко сократилась переработка продуктов сельского хозяйства. Производство сахара за время войны сократилось во всей Европе (считая и нейтральные страны) на 64%. Точно так же резко упало производство текстильной промышленности и других перерабатывающих сельскохозяйственное сырье областей промышленности.

Самый факт физического сокращения предметов первой необходимости не мог не повлечь за собою соответствующего сокращения потребления широких слоев населения. А рост дороговизны вызвал особенно резкое сокращение потребления трудящихся слоев населения, главным образом рабочих и их семейств, так как номинальный рост заработной платы значительно отставал и не мог не отставать от роста цен на продукты первой необходимости.

Даже в Англии, которая в отношении продовольственного снабжения находилась в сравнительно благополучном состоянии, потребление основных продуктов питания сократилось весьма значительно: масла — почти на $^2/_3$, хлеба — почти на $^1/_4$, говядины — на $^1/_3$, кукурузы — на $^2/_3$ и т. д. Гораздо хуже обстояло дело в Германии, где потребление мясных продуктов сократилось на $^4/_5$, сала — почти на $^3/_4$, а общее потребление населения сократилось более чем на $^1/_3$. Потребление населения России изменилось во время войны следующим образом:

если довоенное потребление принять за 100, то потребление 1914/15 г. составит 74,7, 1915/16 г. — 56,5, 1916/17 г.—47,4, т.-е. уже к 1917 г. потребление в России сократилось более чем в 2 раза.

Эти данные о сокращении потребления народонаселения во время войны представляют для нас исключительный интерес, ибо они выводят нас из туманной сферы фиктивных источников покрытия военных расходов: займов, эмиссии и пр., и указывают на его реальные источники. Резкое снижение потребления населения, т.-е. резкое снижение стоимости рабочей силы, что в данном случае означало соответствующее повышение относительной прибавочной стоимости и нормы эксплоатации, — вот — на ряду с расхищением накопленного до войны труда (национальных богатств) — основной р е а л ь н ы й источник покрытия гигантски возросших во время войны непроизводительных расходов.

Другими важнейшими реальными источниками покрытия военных расходов являлись идущие извне реальные материальные ценности. Но и этот источник покрытия военных расходов получается за счет сверхэксплоатации трудящихся масс с той лишь разницей, что в первом случае мы имеем дело с сверхэксплоатацией во время самой войны, а во втором случае — непосредственно вслед за войной (при некоторых шансах победителя переложить тяготы войны, главным образом, на плечи трудящихся побежденных стран).

Линия развития современной техники и производительных сил мирового хозяйства, как и характер будущей войны, заставляют предполагать, что в будущей войне народное хозяйство будет еще более активным фактором войны, еще в большей доле примет участие в войне, что́ будущая война потребует от народного хозяйства — и абсолютно и относительно—гораздо больше материальных ценностей, чем империалистическая война 1914—18 гг.

Косвенным доказательством нашего положения может служить, между прочим, наблюдающийся на протяжении всей истории рост расходов на ведение войны.

Так, например, расходы России на ведение войны составляли [1]:

Русско-турецкая война (1877 — 1878 гг.) . . .	1 075 млн. руб.
Русско-японская война (1904 — 1905 гг.) . . .	2 347 „ „
Империалистическая война (1914 — 1917 гг.) . .	52 090 „ „
(или в довоенных рублях) . . .	21 200 млн. руб.

Причем первые 5 месяцев империалистической войны стоили России столько же, сколько вся русско-японская война.

Военные расходы Англии составляли:

На крымскую войну (1854 — 1855 гг.)	685 млн. руб.
„ англо-бурскую войну (1899 — 1902 гг.) . .	2 000 „ „
„ империалистическую войну (1914 — 1918 гг.) .	38 600 „ „
	(довоенных).

Растет не только общая сумма военных расходов, но и расход на одного солдата в день войны. Этот расход составлял [1]:

В франко-прусскую войну (1870 — 1871 гг.) (Пруссия) . .	2 р. 20 .
В англо-бурскую войну (1899 — 1902 гг.) (Англия) . .	9 „ 80 „
В русско-японскую войну (1904 — 1905 гг.) (Россия) . . .	15 „ 65 „

Наконец, бесспорным показателем удорожания войны являются данные о повышении стоимости военного имущества на одну дивизию. В 1914 г. военное имущество для одной французской дивизии стоило 2,8 млн. зол. франк., а в 1928 г. — уже 15,3 млн. золотых франков. При этом численный состав французской дивизии уменьшился по сравнению с 1914 г.

Таким образом, будущая война потребует еще большего напряжения всех областей народного хозяйства, а следовательно еще больших жертв со стороны широ-

[1] Большая советская энциклопедия, т. XII, стр. 356.

чайших слоев населения, чем империалистическая война 1914—18 гг. При этом необходимо иметь в виду, что наши враги смогут рассчитывать на гораздо более широкий хозяйственный базис, чем мы. Правда, пролетариат крупнейших империалистических держав может в самом же начале войны значительно сузить экономический базис наших врагов. Но об этом, как и вообще о перспективах будущей войны против СССР, мы будем говорить ниже.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЙНЫ.

★

Война не только требует многомиллионных армий и многочисленных человеческих жертв, но и подчиняет себе всю жизнь страны, поглощая «весь человеческий материал и все экономические силы нации». Война охватывает и в той или иной форме делает своим прямым или косвенным участником все население страны.

Уже тот факт, что в армию призывается до десяти — двадцати процентов населения, делает почти все население страны косвенным участником войны. Почти не остается рабочей и крестьянской семьи, кормилец или близкий родственник которой не отрывается войной от труда и семьи и не гонится на бойню, пожирающую миллионы человеческих жизней.

Современная война влечет за собой такие неисчислимые бедствия для всех трудящихся, наносит такой непоправимый удар по самым жизненным интересам всех рабочих и крестьян, вызывает такую перестройку и расстройство всей народно-хозяйственной системы, поднимает и вооружает столь широкие слои эксплоатируемого населения, — что социальная революция уж не может не быть ее неизбежным последствием и завершением.

Милитаризм действительно погибает от диалектики своего собственного развития. «Милитаризм, — писал Энгельс в Анти-Дюринге, — держит в своих руках и пожирает Европу. Но этот же милитаризм носит в себе зародыши собственной гибели. Соперничество между отдельными государствами заставляет их, с одной стороны, с каждым годом

тратить все больше денег на армию, флот, артиллерию и т. д., все больше ускоряет, таким образом, наступление финансовой катастрофы; а с другой стороны, оно вынуждает их все серьезнее проводить принцип всеобщей повинности и, следовательно, обучить в конце концов весь народ обращению с оружием, что дает ему в определенный момент возможность отстоять свою волю против командующей военной клики. Этот момент наступит тогда, когда у народной массы — сельскохозяйственных и городских рабочих и крестьян — будет своя воля (подчеркнуто автором. М. П.). На этой точке государево войско превращается в народное войско; машина отказывается служить, милитаризм погибает от диалектики своего собственного развития. Чего не могла сделать буржуазная демократия 1848 г., именно потому, что она буржуазная, а не пролетарская, — дать трудящимся массам волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению, — то неминуемо будет достигнуто социализмом. А это будет означать, что милитаризм и вместе с ним все постоянные армии взорваны изнутри»[1].

Эта характеристика милитаризма не только полностью сохраняет свою силу для нашего времени, но, пожалуй, никогда с такой точностью и полнотой не отражала действительности, как именно в нынешнюю эпоху, эпоху империализма, в которую милитаризм достиг своих крайних пределов, своего логического завершения, в которую следующим шагом развития милитаризма уже неизбежно должна быть его гибель под мощным ударом уже имеющих и все решительней обретающих свою волю народных масс.

Эпоха империализма — эпоха войн и социальных революций. Оба эти определения империалистической эпохи неразрывно связаны между собою. Хотя революю-

---

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 194—195.

ция и может вырасти из острых противоречий империализма, не обязательно как следствие социального кризиса, созданного войной, но империалистическая война— неизбежный спутник империализма — не может не иметь своим следствием социальную революцию в одной или в нескольких странах. Революция пролетариата подготовляется всех ходом развития капитализма. Империализм доводит все противоречия капитализма до такого напряжения, что пролетарская революция ставится уже им в порядок дня. Война пробуждает и приводит в движение все созревшие уже в недрах империализма силы революции, которые вступают в резкое столкновение с империализмом, сокрушая его на одном участке земного шара, терпя временные поражения на других участках с тем, чтобы при новых и новых неизбежных столкновениях одержать окончательную победу над империализмом и положить конец разделению общества на эксплоататоров и эксплоатируемых, угнетателей и угнетаемых, положить конец войнам и социальным бедствиям, сопутствующим классовым обществам.

«Капиталистическая система в ее целом приходит к своему окончательному краху. Диктатура финансового капитала гибнет, уступая место диктатуре пролетариата» (из программы Коминтерна).

Еще в 1887 году, т.-е. в те годы, когда Европа еще только подходила энергичными и быстрыми шагами к новейшей стадии капиталистического развития — к империализму, за 27 лет до мировой империалистической войны, Фридрих Энгельс, один из основоположников научного социализма, писал:

«Для Пруссии-Германии невозможна теперь уже никакая война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до девяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали

тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, — голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего, искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите, — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится, и кто выйдет победителем из борьбы, — только один результат несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний военный танец, мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то как бы там дела не пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна» [1].

Приходится только удивляться гению Энгельса и силе марксистского прогноза, с помощью которого он почти за 30 лет до войны смог почти с абсолютной точностью установить ее характер (и даже продолжительность),

---

[1] Цитирую по докладу Н. Бухарина на VI Конгрессе Коминтерна. М. П.

определить ее влияние на все стороны общественной жизни и предсказать ее революционное завершение.

Уже первая мировая империалистическая война вызвала революцию в ряде стран: России, Австро-Венгрии, Германии и Болгарии. Победоносное завершение революции в России и укрепление диктатуры пролетариата в Союзе советских социалистических республик, расколов весь мир на два принципиально враждебных лагеря: лагерь империалистических государств и диктатура пролетариата в СССР, — создает совершенно новые, с исключительной силой действующие, предпосылки революционного завершения новой империалистической войны, в особенности войны империалистической коалиции против СССР.

Война, которую нам придется вести, явится революционно-классовой войной трудящихся Советского Союза против капиталистической реставрации, против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Рабочие и крестьяне СССР будут в этой войне защищать земли, отнятые революцией у помещиков, фабрики и заводы, превратившиеся из средств эксплоатации, угнетения широких масс трудящихся и личной наживы кучки капиталистов в орудия социалистического строительства, социалистической перестройки всего народного хозяйства СССР, в орудия материального и культурного раскрепощения трудящихся, в орудия уничтожения классового деления общества.

Рабочие и крестьяне Советского Союза в этой войне будут отстаивать свою свободу и независимость, свой мирный труд, свои экономические, политические и культурные завоевания.

А кого и что будут защищать рабочие и крестьяне капиталистических государств в войне против Советского Союза? — Отчизну, родину, национальную независимость? Или, быть может, жен своих и детей от нашествия большевистских варваров? Или свои земли от больше-

вистской социализации их? Или, наконец, родной язык, культуру, церковь и религию?

Конечно, господствующие классы капиталистических государств и их прихвостни социал-демократы именно к этому призовут (и постоянно призывают) трудящихся своей страны. Конечно, под этими именно лозунгами буржуазия — через свой аппарат идеологического порабощения масс (церковь, прессу, социалистические партии, реформистские профсоюзы и пр.) — попытается мобилизовать трудящихся для борьбы против Советского Союза.

Конечно, именно этими идеями, и только этими идеями, будут скреплены армии и тыл наших врагов, если только им удастся собрать сколько-нибудь значительные массы на войну против СССР.

Но как долго эти идеи окажутся способными цементировать массы в войне против Советского Союза? Как велики те испытания, которым могут быть подвергнуты массы, идущие под такими лозунгами в борьбе против республики советов, против социалистического отечества мирового пролетариата?

Трудящиеся Советского Союза в войне, которую им придется вести, будут прежде всего защищать с а м и х с е б я, будут бороться за с в о е дело, будут отстаивать с в о и интересы и с в о и завоевания. Они будут хорошо знать, за что они воюют, они будут знать всю правду о войне и ее истинных виновниках. И чем лучше, чем полнее будут знать всю правду о войне, тем ожесточенней они будут защищать Союз советских республик, тем с большей страстью они будут добиваться победы над врагами СССР, тем на большие жертвы они пойдут ради полного и окончательного разгрома противника. Уже опыт гражданской войны нам показал, на какие неисчислимые жертвы трудящиеся СССР способны для достижения победы над контрреволюцией как отечественной, так и извне идущей.

А рабочие и крестьяне капиталистических государств, составляющие подавляющее большинство их населения и основную массу их вооруженных сил, вынуждены будут драться и терпеть огромные лишения, отдавать свои силы и жизни за чуждые им интересы своих эксплоататоров и угнетателей, против своих собственных интересов. Аппарат одурачивания масс, засорения их мозгов и затемнения их сознания еще настолько действен в капиталистических странах, что на время правда о войне и, в частности, о войне против Советского Союза может быть скрыта от них. Но только на время! С большим трудом, преодолевая огромные затруднения, правда о войне все же будет проникать в массы. А чем глубже она будет проникать в массы, тем больше будет расти в массах протест против войны, тем слабее будет сопротивление враждебных нам армий, тем меньше наш враг будет способен вести войну против нас.

Война сама по себе, поднимая и приводя в движение миллионные массы, вооружая их и превращая в реальную силу, способную к вооруженному сопротивлению, обостряя борьбу за существование, — способствует быстрому росту самосознания масс, а вместе с тем и их революционизированию. Война против Советского Союза, открыто классовая война контрреволюционного империализма против государства пролетарской диктатуры, а следовательно, против мировой пролетарской революции и революционного пролетариата всего мира, — такая война с особенной силой и с особенной быстротой пробуждает и революционизирует сознание трудящихся масс всего капиталистического мира и, в первую очередь, тех капиталистических государств, которые непосредственно выступят войной против нас.

В самом начале войны против СССР значительные слои трудящихся капиталистических стран, в том числе и тех, которые непосредственно выступят против нас,

сразу же встанут на защиту своего социалистического отечества — Союза советских социалистических республик. Уже в гражданскую войну 1918—21 гг. мы имели такого рода факты, как организация английских рабочих «Руки прочь от России!», организованный отказ германских рабочих пропускать оружие для контрреволюционной армии польских панов, революционный протест польского пролетариата против войны с Советской республикой и т. д., и т. п.

Революционное сознание пролетариата с тех пор продвинулось далеко вперед, его симпатии к государству пролетарской диктатуры, доказавшему на деле не только свою способность к разрушению капиталистического строя, но и способность организовать социалистическое строительство, значительно возросли и продолжают расти.

Все это дает достаточно оснований утверждать, что будущая империалистическая война, в особенности война против СССР, вызовет мощный революционный протест мирового пролетариата против войны, который возможно и не будет в состоянии предотвратить эту войну, но во всяком случае подготовит почву для дальнейшего сплочения пролетариата — и под его руководством всех трудящихся масс — вокруг Советского Союза, против империалистических попыток силою оружия задушить первое в мире пролетарское государство.

При таких условиях силы революции, как и силы Советского Союза, в процессе войны будут неизбежно нарастать, в то время как силы контрреволюции, как и силы непосредственно враждебных нам капиталистических государств, будут падать. При таких условиях, несмотря на огромные лишения и жертвы масс, шансы нашей победы будут все же расти вместе с усилением сплочения трудящихся масс вокруг обороны СССР и нарастанием социалистической революции в стане наших врагов.

Гражданская война и империалистическая интервенция, ее сопровождавшая, дает нам много примеров консолидации трудящихся в период наибольшего напряжения на фронтах, наибольшего обострения голода и хозяйственной разрухи в тылу. Достаточно вспомнить, как ответили рабочие и крестьяне Советской России ее врагам осенью 1919 г., в момент, когда враг подступал к самому горлу революции. «Все на фронт!» — таков был лозунг и такова была действительность тех дней. «Теснее вокруг авангарда революции и организатора трудящихся масс в их борьбе против буржуазно-помещичьего гнета и эксплоатации, новые сотни тысяч передовых рабочих в коммунистическую партию!» — таков был ответ трудящихся врагам революции в то время, когда банды белогвардейских хищников подбирались с юга к Москве, а с запада — к Питеру.

В то же время мы знаем многочисленные факты полного развала и разложения контрреволюционных армий не только под грозными ударами Красных штыков, но и под влиянием все глубже и решительнее проникавшей в сознание солдат белых армий действительной правды о войне. По мере того, как белые солдаты осознавали истинный смысл войны, они бросали оружие, дезертировали, нередко даже переходили на сторону Красной армии или восставали против своих офицеров и организаторов белых армий.

Та же судьба постигла и войска интервентов. Англичане, французы и американцы вынуждены были вывести свои войска с нашей территории только потому, что солдаты отказались душить революцию, а в тылу ширился и принимал все более грозные меры протест рабочих против интервентов.

Мы победили не потому, что мы опирались на более мощную экономическую базу, чем наши враги, не потому, что мы были организованнее наших врагов, не потому, что мы имели лучше обученную армию. Наобо-

рот, по всем этим линиям, по всем этим важнейшим факторам боеспособности армии мы далеко уступали нашим врагам. «Мы, — говоря словами Ленина, — одержали победу потому, что мы были и могли быть едиными, потому, что мы могли присоединить союзников из лагеря наших врагов» [1]. «Мы отвоевали солдат Англии и Франции» [2].

У нас нет оснований сомневаться в том, что в будущей войне мы окажемся не менее едиными и сможем присоединить союзников из лагеря наших врагов не в меньшей степени, чем в гражданскую войну. А это даст нам уверенность в нашей победе и в революционном завершении будущей войны, несмотря на то, что в отношении военной техники и экономической базы войны враги наши, возможно, будут превосходить нас.

Благоприятная для нас перспектива завершения будущей войны отнюдь не должна убаюкивать нас и скрывать от нас всех трудностей будущей войны, отнюдь не должна в какой бы то ни было степени ослаблять нашу энергию в деле укрепления обороноспособности Советского Союза и подготовки трудящихся к будущей ожесточенной схватке с мировым империализмом. Мы отнюдь не должны упускать из виду возможности частичных поражений, которые империализм может нанести нам еще до тех пор, пока революционное сознание успеет настолько глубоко проникнуть в широкие массы трудящихся и в армии империалистического лагеря, что империализм потеряет способность удушения революции и сохранения своего господства над миллионами эксплоатируемых и угнетаемых.

Насколько трудным является поворот в сознании масс от «защиты отечества» к превращению империалистской войны в гражданскую, насколько трудящиеся массы

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XVII, стр. 24.

[2] Там же, стр. 28.

в начале войны обычно бессильны оказать сопротивление господствующим классам и вынуждены решать вопрос о «защите своего отечества» в пользу своей буржуазии, — об этом говорит Ленин в «Заметках по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге».

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

«Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что „защита отечества“ становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии» [1].

«В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов встанет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громаднейшего большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью» [2].

Одно из двух: либо кризис империализма окажется настолько глубоким, что он уж не в силах будет организовать поход против СССР, либо, что гораздо вероятней, у него еще хватит сил для организации этого похода. В таком случае борьба предстоит жестокая. В таком случае рассчитывать на взрыв империализма изнутри в самом начале войны уж не придется.

К тому же нельзя забывать о попытках враждебных нам элементов всемерно дезорганизовать наш тыл.

---

[1] Ленин, Собрание сочинений, т. XX, ч. 2, стр. 529.

[2] Там же, стр. 531.

Война бесспорно окрылит надежды и чаяния всех контрреволюционных сил, таящихся в недрах Советского государства. Война бесспорно активизирует все нэпманско-кулацкие элементы нашей страны, которые при поддержке извне попытаются организовать даже вооруженные выступления против власти советов.

Борьба предстоит суровая и упорная, шапками не закидаем. Победы в кармане мы отнюдь не держим. Кто кого, — решится борьбой, которая потребует напряжения всех наших сил. Но крот истории работает на нас. «Международная революция развивается. Против нее собирает свои силы империализм. Экспедиция против колоний, новая мировая война, поход против СССР ставятся империализмом в порядок дня. Это неизбежно повлечет за собой развязывание всех сил международной революции и неотвратимую гибель капитализма» (из программы Коминтерна).

Мы не хотим войны, ибо знаем, какие неисчислимые бедствия она несет для трудящихся. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы предотвратить войну или во всяком случае отсрочить надвигающуюся на нас военную опасность. Но мы хорошо знаем, что войны нам не избежать: рано или поздно мечи революции и империализма должны будут скреститься.

Мы смело можем сказать враждебному нам капиталистическому миру словами Энгельса: «И если вам ничего больше не остается, как открыть последний военный танец, — мы не заплачем», ибо война вынудит вас разнуздать такие силы, «с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, и как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна».

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СССР.

Характер будущей войны, как и характер самого Советского государства, определяет пути укрепления обороны СССР.

Государство наше — государство пролетарской диктатуры, «социалистическое отечество мирового пролетариата». Война против Советского Союза «есть явно контрреволюционная война» мировой буржуазии против мирового пролетариата. Следовательно защита Советского Союза от попыток империализма удушить его является основной задачей мирового пролетариата. Отсюда подготовка СССР к войне далеко выходит за его территориальные границы и приобретает международный характер. Эта грандиозная по своему масштабу и по своим трудностям задача выпадает на долю штаба мировой пролетарской революции — Коммунистического интернационала и его секций, потому что Советский Союз является оплотом коммунизма и базой мировой пролетарской революции, потому что его победа над империализмом явится победой мировой пролетарской революции.

Вся деятельность Коминтерна, направленная к организации пролетарской революции, укрепляет позиции Советского Союза как в условиях мирного сожительства с капиталистическим миром, так и в вооруженной схватке с последним. И вместе с тем все специальные мероприятия Коминтерна и его секций по популяризации и укреплению Советского Союза являются составным и необходимым звеном подготовки пролетарской революции. Одно с другим настолько тесно переплетается, что не

представляется возможным точно определить, какие именно мероприятия Коминтерна могут быть обозначены подготовкой мирового пролетариата к обороне СССР.

VI Конгресс Коминтерна дает, правда, некоторые специальные указания по подготовке международного пролетариата к защите СССР, но в них лишь конкретизируется основная тактическая установка Коминтерна в борьбе против военной опасности (превращение империалистической войны в гражданскую) и ни в какой мере не исчерпываются все мероприятия по мобилизации сил международного пролетариата для защиты Советского Союза.

Все мероприятия Коминтерна и его секций по популяризации Советского Союза и закреплению растущих симпатий пролетариата к СССР, по борьбе с военной опасностью и милитаризмом, по разложению капиталистических армий и организации вооруженных сил революции (союзы красных фронтовиков и пр.), по подготовке вооруженного восстания и пропаганде превращения империалистической войны в гражданскую, — все эти мероприятия составляют важнейшие звенья подготовки СССР к войне, хотя по своему действительному значению они далеко выходят за пределы этой крупнейшей, но все же частной задачи Коминтерна.

Подготовка международного пролетариата к борьбе против войны с СССР обеспечивает удар по нашим врагам с тыла, но основной удар, удар с фронта выпадет на нас. Всесторонне подготовить этот удар с фронта, максимально обеспечить обороноспособность СССР на основе его внутренних ресурсов составляет задачу нашей секции Коминтерна — ВКП(б), советского правительства и всех трудящихся Советского Союза.

Очевидно, прежде всего необходимо обеспечить ту вооруженную силу, которую мы должны будем противопоставить вооруженным силам наших врагов. Обеспечить вооруженную силу — это значит обеспечить необходимые

для ведения войны массы военнообученных и материальные средства войны.

Во время войны Красная армия впитает в себя новые миллионные массы, которые, естественно, тем лучше будут сражаться, чем больше будут массы подготовлены к боевым действиям, чем лучше каждый боец будет владеть современным оружием войны. Основным аппаратом подготовки вооруженных сил военного времени является у нас Красная армия. Но наша армия — в силу своей малочисленности—не в состоянии пропустить через свои ряды все способное к ношению оружия мужское население страны. Красная армия — через свои кадровые и территориальные части — охватывает лишь меньшую часть населения призывного возраста, большинство его не попадает в ряды Красной армии. Система вневойсковой подготовки тех граждан призывного возраста, которые остаются за бортом Красной армии (речь идет лишь о тех, кому вообще советская власть доверяет оружие), не может в короткий срок подготовить достаточно квалифицированных бойцов.

Однако вневойсковая подготовка значительной части призывного возраста, очевидно, должна быть сохранена. Но она нам не обеспечивает на случай войны достаточного количества бойцов необходимой квалификации. Где же выход?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство: современный бой, современное оружие и вообще военное дело настолько усложнилось, что наш полуграмотный крестьянин, даже пройдя допризывную подготовку, лишь с большим трудом может за 2 года пребывания в Красной армии овладеть необходимым минимумом военных знаний. К тому же военная техника, а за ней и тактика так быстро эволюционизируют, что уже через несколько лет после увольнения из Красной армии требуется дополнительная подготовка запаса, дабы армия

не отставала от новейших достижений в военном деле. Таким образом, вопрос об обеспечении более солидной военной подготовки стоит не только в отношении граждан, не прошедших службу в Красной армии, но и в отношении тех, кто был в ее рядах.

Нужно прямо заявить, что в нынешних условиях обеспечение вооруженных сил военного времени военно-обученными резервами не может быть возложено только на аппарат Красной армии. На помощь Красной армии должна притти пролетарская общественность. Она должна, с одной стороны, обеспечить Красной армии такой человеческий материал, который в кратчайший сроки овладел бы необходимым минимумом военных знаний, а с другой стороны, закреплять и углублять полученные в Красной армии и в порядке вневойсковой подготовки знания.

Не станем говорить о том, каким препятствием делу боевой подготовки служит неграмотность или малограмотность значительной части нашей крестьянской молодежи, и соответственно какое значение для поднятия обороноспособности нашей страны имеет ликвидация неграмотности, в особенности среди молодняка. Остановимся лишь на вопросах, более непосредственно относящихся к боевой подготовке.

Боец Красной армии должен прекрасно владеть своим оружием, быть расторопным, сообразительным и инициативным, хорошо ориентироваться в обстановке боя, быть выносливым, весьма подвижным и ловким. Если стрелковая и тактическая подготовка бойца должны в основном лежать на аппарате Красной армии, то уж его физическая подготовка ни в какой мере не может быть обеспечена этим аппаратом, так как она требует слишком большого времени. У нас до сих пор еще сохранилось ложное представление о том, что наш боец обладает лучшими физическими качествами, чем боец европейских армий. В действительности же мы имеем

здесь обратное отношение: солдаты европейских армий физически подготовлены гораздо лучше нашего красноармейца. Уже в империалистическую войну английская армия побила рекорд в быстроте перебежек, что сохранило ей не одну тысячу бойцов. Финская армия побивает мировые рекорды в действиях на лыжах, что в значительной степени повышает ее боеспособность в зимних условиях. Эта физическая подготовка солдат европейских армий целиком опирается на систему общественных спортивных организаций, а отнюдь не только на работу армейского аппарата.

На ряду с физической подготовкой наша общественность может оказать большую помощь Красной армии и в деле повышения стрелково-тактической квалификации бойца, и в деле подготовки всякого рода специалистов (радистов, телеграфистов, мотористов, химинструкторов и пр.). Наконец, и в повышении квалификации командного состава запаса наша общественность может сыграть огромную роль. Сотня тысяч командиров запаса, деятельность которых в мирное время нисколько не связана с армией, сможет во время войны хорошо выполнить свою ответственную функцию — боевое руководство красноармейской массой — лишь при условии систематического обогащения своего военного багажа. Наши общественные организации должны позаботиться об этом.

Будущая война, в силу классового характера ее и дальнобойности современного оружия, будет происходить не только на фронте (в узком смысле этого слова), но в значительной мере и в тылу: обширные районы будут находиться под постоянной угрозой воздушно-химического нападения, в ряде мест можно предвидеть контрреволюционные выступления и кулацкие восстания. В нашей подготовке к войне мы должны предвидеть эту борьбу «на два фронта». Соответственно необходимо подготовить на случай войны такую вооруженную организацию пролетариата, которая была бы в состоянии

дать отпор врагу на фронте, противодействовать его нападениям с воздуха и решительно подавлять всякие контрреволюционные поползновения в тылу. Красная армия, если мы не хотим ее разбазаривать по тыловым гарнизонам, не может справиться со всеми этими задачами.

Задачу обороны тыла от опасности с воздуха и от контрреволюционных выступлений гораздо целесообразней возложить на остающихся в тылу трудящихся, не отрывая их от производственной деятельности. На ряду с многочисленной Красной армией война потребует многочисленные организации пролетарской самообороны: отряды воздушно-химической обороны, рабочие отряды и отряды крестьянской бедноты для борьбы с кулацкими восстаниями и прочими вооруженными выступлениями конрреволюции.

Подготовка этих организаций пролетарской самообороны должна также составить одну из величайших забот нашей пролетарской общественности.

Капиталистические государства также учитывают необходимость подготовки миллионных масс для борьбы на фронте и обеспечения тыла от воздушно-химического нападения и от вооруженных выступлений классового врага (для капиталистов — революционных рабочих и крестьян). Капиталистические государства также мобилизуют свою, буржуазную общественность для подготовки необходимой для ведения войны «на два фронта» вооруженной силы.

Общественная система подготовки вооруженных сил в капиталистических государствах служит одновременно системой классового ополчения буржуазии против пролетарской революции. Военно-общественные организации в капиталистических государствах являются явно контрреволюционными, фашистскими организациями. На них держится фашизм в Италии, пилсудчина — в Польше, на них ставит ставку французская, англий-

ская, американская и немецкая буржуазия в борьбе с революционным пролетариатом.

О степени развития военно-общественных организаций в странах капитализма дают нам представление следующие данные:

Численность военно-общественных организаций [1].

	Абсолютное число (в тыс.)	В % к армии	В % к населению страны
Во Франции	1 185	234	3
В Англии	778	500	1,8
„ САСШ	1 896	1 415	1,7
„ Польше	565	208	1,4
„ Финляндии	144	440	4
„ Латвии	33	165	1,8
„ Эстонии	29,5	207	2,7

В составе этих организаций, особенно соседних с нами государств, имеется большое количество женщин. Работают все эти организации весьма интенсивно и являются действительно серьезным подспорьем армии в деле подготовки вооруженных сил военного времени и надежной опорой контрреволюционной буржуазии.

У нас имеются гораздо большие возможности привлечения широкой общественности к делу военной подготовки населения, ибо наша государственная система непосредственно опирается на трудящиеся массы — подавляющее большинство населения страны, ибо между вооруженной организацией Советского государства и

[1] Сюда не входят спортивные организации и организации бой-скаутов, оказывающие большое содействие армии в военной подготовке населения.

широкими массами пролетариата и крестьянства нет никаких противоречий.

Помимо живой силы война потребует огромных материальных средств. Эти средства, как мы выяснили, не могут быть накоплены в виде запасов в мирное время, они должны производиться во время самой войны, причем необходимое их количество может быть обеспечено лишь в том случае, если в производстве их примет участие не только военная промышленность, но и весь производственный аппарат страны. Следовательно, в случае войны придется коренным образом перестроить работу нашей промышленности, придется нашей металлургической и металлообрабатывающей промышленности приспособиться к производству пушек, снарядов, танков, аэропланов, ружей, пулеметов и пр.

Экономическая блокада, связанная с войной, лишит нас импортного сырья и полуфабрикатов и тем самым поставит в исключительно тяжелые условия ряд областей нашей промышленности. Значительные изменения могут произойти в сельском хозяйстве вследствие мобилизации значительной части рабочей силы и рабочего скота, а также сокращения снабжения деревни машинами и средствами удобрения.

Война потребует напряженной работы транспорта, большого напряжения финансов, внесет значительные изменения в составе рабочей силы.

Все области народного хозяйства должны будут претерпеть изменения.

Для того, чтобы эти изменения проходили наиболее безболезненно, для того, чтобы обеспечить максимальное использование народнохозяйственных ресурсов для снабжения фронта, для того, чтобы свести к минимуму те лишения трудящихся масс, которые будут вызваны войной, — необходимо еще в мирное время подготовить планомерный переход народного хозяйства к войне. Задача эта весьма трудная, но вполне реальная, особенно

в наших условиях при наличии в руках государства почти всей промышленности страны и мощных рычагов воздействия на сельское хозяйство. Наша система планирования народного хозяйства уже в достаточной степени себя оправдала.

Тот опыт, который накопился у нас в деле планирования народного хозяйства, может быть широко использован для подготовки планового перехода народного хозяйства к войне.

Подготовка народного хозяйства к войне не может ограничиться разработкой п л а н а перехода народного хозяйства на военные рельсы: никакой план не может нам заместить тот дефицит хлопка, каучука и цветных металлов, который в случае войны неизбежно образуется в народном хозяйстве нашей страны, не может обеспечить необходимое для снабжения фронта количество металла, если производственный аппарат страны окажется недостаточным для его производства. Поэтому основой подготовки народного хозяйства к войне является развитие тех областей его, в которых страна находится в наибольшей зависимости от внешнего рынка и которые во время войны могут быть использованы для производства оружия. Перед нами, следовательно, война выдвигает задачу развития металлургической и химической промышленности, транспорта, расширения энергетической базы народного хозяйства (электрификация, добыча топлива) и сырьевой базы нашей промышленности (особенно текстильной и резиновой). Короче говоря: подготовка народного хозяйства к войне в основном упирается в индустриализацию страны, которая одновременно выдвигается стоящими перед нами задачами социалистического строительства. Необходимо при этом все же иметь в виду, что укрепление обороноспособности нашей страны с особенной силой заостряет вопрос о темпе индустриализации и высвобождения нашего хозяйства от всяких «внешних» зависимостей.

С большими хозяйственными затруднениями мы можем встретиться в самом начале войны, вследствие, с одной стороны, паники на потребительском рынке, которая неизбежно будет вызвана войной, и с другой стороны, вследствие того переходного процесса от мирного времени к военному, который будет переживать все народное хозяйство страны. Свести к минимуму эти затруднения мы сможем лишь при наличии у нас некоторых товарных резервов и при строгом нормировании потребления в самом же начале войны. Товарные резервы (особенно продовольственные) нам нужны будут прежде всего для того, чтобы в первый период войны не ставить снабжение Красной армии (во много раз увеличенной по мобилизации) в зависимость от рынка, который (заранее можно предвидеть) в этот период не будет для нас благоприятным. Но и снабжение городов, особенно промышленных центров, также должно быть достаточно обеспечено, что несомненно будет способствовать уверенности трудящихся в нашей силе и организованности. Таким образом, создание товарных резервов также должно явиться одним из важнейших звеньев в деле подготовки страны к войне.

Для капиталистического хозяйства наличие товарных резервов — явление закономерное, вытекающее из самой природы капиталистической конкуренции. Поскольку война — результат дошедшей до пределов конкуренции между капиталистами отдельных стран или групп стран, постольку перед войной запасы товаров обычно достигают особенно значительных размеров. Так было и перед империалистической войной. Эти товарные запасы — провозвестник грядущего кризиса и бич капиталистического хозяйства в мирной обстановке, — в условиях войны играют спасительную роль, надолго обеспечивая покрытие потребительского спроса даже при резком сокращении производства продуктов массового потребления. Из природы нашего хозяйства никак не вытекает

обязательное наличие товарных резервов. Наоборот, первые ступени переходного периода скорее характеризуются тем, что спрос постоянно находится несколько впереди предложения. Поэтому создание товарных резервов в СССР требует большого напряжения народного хозяйства страны и твердой воли руководителей государства.

Товарные резервы имеют большое значение для текущего хозяйственного регулирования, но для войны в особенности для первого ее периода, они имеют исключительное, если не решающее, значение.

Помимо товарных резервов, большое значение для войны будут иметь валютные резервы. При помощи золота и устойчивой иностранной валюты можно будет, хотя бы частично, прорвать экономическую блокаду. Никакие резервы не могут, конечно, обеспечить нам импорт во время войны в размерах мирного времени, но несколько дополнить внутренние ресурсы народного хозяйства за счет внешнего рынка они все же помогут.

А ведь в некоторых продуктах, как, например, медикаменты, хлопок, каучук и цветные металлы, нужда у нас будет крайне острая.

Разработка мобилизационного плана народного хозяйства (включая сюда производственный план, технические планы реорганизации отдельных предприятий, план перевозок, план обеспечения промышленности и транспорта, рабочей силы, финансовые планы и пр.), материальное обеспечение народного хозяйства в военное время (индустриализация, в особенности развитие металлургии, химической промышленности и энергетической базы, развитие внутреннего производства недостаточного сырья, изыскания в области замены импортного сырья продуктами, производящимися внутри страны), накопление товарных и валютных резервов, — таковы основные линии подготовки народного хозяйства к войне.

В наше время исход войны, особенно той войны, в которой нам предстоит участвовать, в конечном счете зависит от воли широчайших слоев населения к борьбе и победе. Буржуазия мобилизует весь свой аппарат идеологического воздействия на массы для воспитания в них воли к борьбе за «отечество», «культуру», «народ» и пр. Накануне войны и особенно во время войны весь этот аппарат работает с удесятеренной энергией. Однако, в силу большой самостоятельности отдельных звеньев этого аппарата и недостаточной согласованности между ними вся система одурачивания масс иногда дает некоторые перебои, что в столь напряженной обстановке, какой является война, чревато многими неприятными для господствующих классов данной страны последствиями. Во время империалистической войны такие перебои имели место.

Желая избежать этих перебоев, стремясь к стопроцентному использованию во время войны всего своего «идеологического» аппарата и подготовляя «законные» основания полного запрещения революционной пропаганды во время войны, буржуазия становится на путь централизации и организованной мобилизации своего аппарата идеологического воздействия на массы.

Весьма влиятельный французский генерал Серриньи, исходя из опыта пропаганды в империалистическую войну и характера будущей войны, выступает с следующим предложением:

«Все то, что оказалось недостаточным вчера, должно быть выполнено в ближайшем будущем, и единственное средство заключается в том, чтобы вместо многих маленьких независимых органов, которые нам уже известны, учредить один огромный аппарат, снабженный всеми необходимыми органами, предназначенными для осведомления страны обо всем... Этот организм должен представить собою в полном смысле слова министерство п а т р и о т и ч е с к о г о д е й с т в и я; оно получит

задачу руководить общественными настроениями страны ...»[1].

Еще решительней высказывается Штерн-Руберт:

«Мы предлагаем исходить из следующих основных принципов: строжайшее объединение всей пропагандистской работы под общим верховным руководством, уничтожение всех официальных и полуофициальных второстепенных учреждений или каким бы то ни было образом субсидируемых частных организаций. Проведение тесной согласованности с политическими целями правительства ...

Верховное руководство должно обладать не только положительными, но и отрицательными правами в отношении вновь создавшихся или восстанавливаемых учреждений: оно должно следить за всеми учреждениями и организациями политико-пропагандистского характера и иметь право veto по отношению тех из них, которые в своей деятельности намеренно или ненамеренно уклоняются от линии, установленной имперским правительством»[2]. (Коммунистические и другие революционные организации уж наверное попадут в эту категорию!)

Предложения Серриньи, Штерн-Руберта и др. — отнюдь не праздные разговоры, и уже нашли свое отражение в законодательных актах. Так, например, согласно французскому закону о подготовке нации к войне (так называемый закон Поль Бонкура), все французы, а также «все законно существующие организации и общества обязаны участвовать в национальной обороне, т. е. принимать на себя исполнение обязанностей, указанных правительством, либо по обороне страны, либо по под-

---

[1] Серриньи, Размышления о военном искусстве. Л., Воени. изд. 1924 г.

[2] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

держанию ее материальных и моральных средств». Далее в законе подчеркивается, что в национальную мобилизацию входят и мероприятия, необходимые для сохранения на должной высоте морального состояния страны. Таким образом, в случае мобилизации правительство подчиняет себе политические партии, союзы, издательства, редакции газет и журналов и прочие организации и учреждения, «морально» воздействующие на массы. А кто не пожелает подчиниться, — для того заготовлено «право veto», т. е. прекращение легального существования. В мирное время правительство берет на себя подготовку мобилизации всего этого аппарата («фабрики», как говорит Серриньи) по руководству общественными настроениями страны.

Таким образом, в системе подготовки страны к войне буржуазия уделяет исключительное внимание руководству политическими настроениями масс. Эта проблема руководства политическими настроениями масс в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата отнюдь не снимается, хотя все же содержание ее у нас и в капиталистических государствах прямо противоположно. Наше руководство политическими настроениями масс по существу есть политическое руководство пролетарского авангарда всей массой рабочих и бедняцко-середняцкой массой крестьянства. Это руководство основано на пробуждении политического сознания, организации и сплочения масс, на воспитании в них воли к борьбе за социализм, против капиталистического рабства. Мы не будем останавливаться на всей системе политического руководства массами, обратим только внимание на некоторые стороны воспитания в массах воли к борьбе. Октябрьская победа пролетариата, поражение контрреволюции и империалистической интервенции в гражданской войне и долголетняя мирная работа по социалистическому строительству могут породить в широких массах трудящихся иллюзию, что задача б о р ь б ы

за возможность строительства социализма уже является разрешенной, и что остается лишь задача практического мирного строительства социализма. Необходимо систематически и упорно разъяснять массам, что предстоит еще жестокая борьба за социализм, в том числе кровавая, вооруженная борьба, в частности «необходимо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается» (Ленин). Чем лучше трудящиеся Советского Союза будут знать, как велика и реальна опасность военного нападения на нас со стороны капитализма, тем сильней у них будет воля к борьбе, с тем большей готовностью они пойдут на те жертвы, которые война от них потребует.

Политическое руководство массами—весьма сложное и ответственное дело. Во стократ сложней оно станет во время войны, которая поставит перед массами целый рой «теоретических и житейских вопросов». На все эти вопросы мы должны дать массам ясный и своевременный ответ. Война и мобилизация потребует от авангарда пролетариата — коммунистической партии — особенно чуткого реагирования на все колебания в настроениях масс, своевременной и полной информации масс о всех с кинематографической быстротой проносящихся событиях на фронте, за рубежом и в нашем тылу, своевременного разъяснения всех тех новых задач, которые будут выдвигаться обстановкой войны.

Для выполнения всех этих сложнейших задач потребуется очень хорошо организованный аппарат политического руководства массами. Необходимое качество этого аппарата и его работы может быть обеспечено лишь при условии заблаговременной подготовки его еще в мирное время.

Таким образом, будущая война выдвигает перед нами весьма сложный комплекс задач, которые должны быть разрешены еще в мирное время. Все эти задачи могут быть сведены к трем группам: подготовка живой силы,

подготовка народного хозяйства и подготовка аппарата политического руководства массами. Чем лучше и полней мы подготовимся по всем этим линиям, тем больше будет обеспечена наша победа в схватке между мировым империализмом и нашим государством пролетарской диктатуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

★

Стр.

Неизбежность вооруженного столкновения капиталистического мира с СССР 3
Классовый характер войны 11
СССР в будущей войне 16
О численности армии в современной войне 26
О продолжительности будущей войны 51
Народное хозяйство и война 65
Перспективы революционного завершения войны 84
Пути укрепления обороны СССР 96

28877

70 коп.